

БУРЖУАЗИЯ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

М.: издательство Московского государственного университета.
1989. С.143-189, 204-208 примеч.

Редакционная коллегия серии
«ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»:

д.и.н., проф. А.В.Адо (председатель), к.и.н. В.Н.Горохов, д.и.н., проф. В.М.Далин, академик Ю.С.Кукушкин, д.и.н., проф. Г.С.Кучеренко, д.и.н., проф. В.П.Смирнов, д.и.н., проф. Е.Ф.Язков

Рецензенты: кандидат исторических наук Е.И.Федосова, кандидат исторических наук Г.С.Черткова Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета

В книге рассматриваются социальный облик буржуазии и ее место в сложной, имевшей переходный характер структуре французского общества в конце старого порядка; формирование класса капиталистов как господствующего класса новой буржуазной Франции; складывание буржуазной политической группировки жирондистов, сыгравшей большую роль в первые годы революции; политическая эволюция верхов буржуазии на пути к бонапартистскому перевороту 18 брюмера. Для специалистов-историков, научных работников, преподавателей.

См. также предисловие А.В.Адо к серии сборников:
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1>

ПОЛНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА И ССЫЛКИ НА ДРУГИЕ ОЧЕРКИ

Е.М.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>

Э.Е.Гусейнов. Жиронда в период Законодательного собрания

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov1.pdf>

Д.М.Туган-Барановский. На пути к брюмеру

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/bourg_tug-baran.pdf

предисловие А.В.Адо к сборнику

<http://vive-liberta.diary.ru/p176192923.htm?oam#more1>

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Александр Васильевич Ревякин **БУРЖУАЗИЯ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ** **первая половина XIX в.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ
2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ, БАНКИРЫ, ПРОМЫШЛЕННИКИ
3. КОНСОЛИДАЦИЯ НОВОГО ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА
4. БУРЖУАЗИЯ И ПРАВЛЕНИЕ «НОТАБЛЕЙ»
5. ПРОЦВЕТАНИЕ И КРИЗИС ПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ «НОТАБЛЕЙ»

Французская революция явилась важнейшим этапом превращения буржуазии из подчиненного феодально-абсолютистскому порядку общественного класса в господствующий. Ее преобразования оказали глубокое и долговременное влияние на различные стороны этого процесса. Поэтому оценить в достаточной мере значение революции для развития буржуазии можно только в исторической перспективе, охватывающей по крайней мере несколько десятилетий XIX в.

Вопрос о влиянии революции на положение буржуазии во французском обществе первой половины XIX в. оживленно дискутируется зарубежными историками. Особое внимание привлекли к нему попытки ряда современных авторов пересмотреть классическую интерпретацию Французской революции как буржуазной¹. А. Коббен прямо писал: «Следует признать, что господствующим классом во Франции первой половины XIX в. были крупные земельные собственники»². Он отвергал мнение о господстве в то время класса капиталистических предпринимателей как «голословное», основанное на ложной, по его представлению, ссылке, что Французская революция XVIII в., «будучи капиталистической революцией, должна была установить правление предпринимателей»³.

Большое влияние на зарубежные исследования в этой области оказал крупный ученый Э. Лабрусс. Еще в 1955 г. он поставил задачу использовать методы эмпирической социологии для выяснения социопрофессиональной структуры буржуазии, а также социальной психологии ее отдельных слоев и групп. С этой целью Лабрусс призвал историков обратиться к новым видам источников, таким, как списки избирателей, документы фиска, акты государственной регистрации и нотариата, демографическая статистика⁴.

С начала 1960-х годов во Франции, а затем и в других зарубежных странах вышел ряд крупных работ по истории буржуазии первой половины XIX в.⁵ Некоторые из них, опираясь на методы эмпирической социологии, оставляют в стороне главные классово-образующие признаки. Это приводит к попыткам осмыслить историю буржуазии в категориях теорий социальной стратификации и элит, буржуазно-апологетическую заданность которых отмечали советские социологи⁶.

Особенно часто в современной немарксистской историографии «буржуазное общество» Франции середины XIX в. изображается как «общество элит, которое на всех уровнях и во всех сферах преследовало цель дать первенство самым способным, толковым, уважаемым людям, словом — лучшим»⁷. При этом утверждается,

что буржуазия, не обладая «монополией ни на собственность... ни на социальное первенство, ни на влияние», была не «высшим или правящим классом», а лишь одной из «параллельных иерархий» наряду с дворянством и католической церковью⁸.

Идеологическая заданность этих исследований отнюдь не снижает ценности введенного их авторами в научный оборот огромного материала, равно как и целого ряда их конкретных выводов и обобщений. Они существенно обогатили представления о составе буржуазного класса, о характере и динамике происходивших в нем структурных изменений, о социально-психологическом облике различных его групп и слоев. Накопленные в современной науке, особенно благодаря региональным и отраслевым исследованиям, данные важны для решения проблемы становления нового господствующего класса Франции. В частности, они позволяют рассмотреть вопросы о том, сложился ли во Франции первой половины XIX в. новый класс капиталистических предпринимателей; играл ли он политически руководящую роль; какое влияние оказала революция конца XVIII в. на процесс его формирования. Обратиться к этим вопросам тем более необходимо, что в советской историографии они специально не рассматривались⁹.

Большую методологическую сложность при изучении влияния Французской революции на процесс становления классового господства буржуазии представляет то, что превращение буржуазии в господствующий класс было следствием не только революционных преобразований конца XVIII в., но и более растянутых во времени перемен в социально-экономическом базисе, связанных с развитием нового способа производства.

Говоря о роли революционных преобразований, надо в первую очередь отметить их воздействие на возникновение во Франции первой половины XIX в. новой социально-политической структуры, которая в целом благоприятствовала возвышению буржуазии во всех сферах общественной жизни. Она характеризовалась рядом устойчивых черт: формальным равенством всех французов перед законом, представительным характером государственного правления, признанием политических прав граждан и т. д. В результате революции была выработана система гражданского права, отвечавшая интересам буржуазных собственников, в том числе капиталистических предпринимателей. Кроме того, революция оказалась долговременным фактором политизации страны. Наконец, она непосредственно выдвинула на руководящие позиции новый политический персонал, который образовал костяк буржуазной политической элиты в первые два-три десятилетия после революции.

Непосредственно повлияла революция и на социально-экономическое положение буржуазии. Причем влияние это было весьма противоречивым. Длительная политическая нестабильность, войны, нарушившие традиционные экономические связи Франции с другими странами, инфляция ассигнатов и т. д. нанесли ощутимый урон накопленному прежде богатству этого класса. Можно представить масштабы материальных потерь буржуазии за время ре-

волюции, если учесть, что даже в 1800 г., когда французская экономика была снова на подъеме, объем промышленного производства в лучшем случае составлял всего лишь 60 % от уровня 1789 г.¹⁰ Но одновременно годы революции были периодом быстрого обогащения буржуазии за счет приобретения национальных имуществ и спекуляций при их продаже и перепродаже, поставок в армию, почти непрерывно воевавшую с 1792 г., а также финансовых операций, в частности при переходе в годы Директории от обесцененных ассигнатов к твердому денежному обращению. Большинство крупных буржуазных состояний первой половины XIX в., о которых А. Домар удалось собрать сведения, были хотя бы частично созданы благодаря операциям с национальными имуществами¹¹. Очевидно, воздействие политических событий конца XVIII — начала XIX в. на разные фракции, группы, слои буржуазии было различным, как неодинаковы, например, были для них и последствия инфляции в годы революции¹².

В социально-экономическом отношении влияние революции на положение французской буржуазии было ограничено рамками исторической необходимости, заданными в конечном счете переживаемым этапом в развитии капиталистического способа производства. Перемены в социально-экономическом базисе выступали как решающий фактор превращения буржуазии в господствующий класс. Характеризуя развитие двух основных классов капиталистического общества, Ф. Энгельс писал: «Как буржуазия, так и пролетариат возникли вследствие перемен в экономических отношениях, точнее говоря — в способе производства. Оба эти класса развились благодаря переходу сначала от цехового ремесла к мануфактуре, а затем от мануфактуры к крупной промышленности, вооруженной паром и машинами»¹³. Отсюда — внимание, которое следовало бы уделить характеру протекания промышленной революции. При этом важно учитывать, что Французская революция не только создала необходимые социально-политические предпосылки промышленной революции, но и повлияла на форму, в которой последняя происходила.

1. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

В свете советских и новейших зарубежных исследований¹⁴ представляется возможным выделить в развитии промышленной революции во Франции две ступени, различавшиеся по преобладанию тех или иных форм и методов технико-экономических и социальных преобразований. Первая из них характеризовалась преимущественно экстенсивным развитием экономики и относительной устойчивостью унаследованных от прошлого про-

изводственных отношений. Это была своеобразная ступень распространения промышленной революции «вширь». Вторую отличал переход к интенсивным формам и методам хозяйственной деятельности, сопровождавшийся более быстрой ломкой устаревших производственных отношений. Она может быть определена как ступень развития промышленной революции «вглубь».

Начало промышленной революции относится к первому десятилетию XIX в., когда машинное производство вытеснило ручной труд в хлопкопрядении, хотя новая техника стала распространяться здесь еще в 1770—1780-е годы¹⁵.

Вслед за хлопкопрядением технический переворот охватил и некоторые другие отрасли — бумаготкачество и ситцепечатание, производство шерстяных тканей, химическую промышленность. Во второй четверти XIX в. он распространился на производство шелковых и льняных тканей, металлургию, машиностроение, транспорт.

Несмотря на бесспорные и весомые успехи в развитии машинной индустрии, технический переворот происходил крайне неравномерно и — что важно отметить — в узких рамках. Это объяснялось быстрым параллельным развитием мелкого ручного производства, рост которого достигал 2,4—3 % в год¹⁶.

Главным источником жизнеспособности мелких, базировавшихся на ручном труде предприятий в первой половине XIX в. была эксплуатация дешевой рабочей силы, большие резервы которой имелись в сельской местности. Широкое распространение получили такие традиционные формы вовлечения сельского населения в этот сектор, как домашняя промышленность и рассеянная мануфактура. Чрезвычайно противоречивые по своей социально-экономической сущности, они в первой половине XIX в. выступали и как пережиток ранних, уже архаичных стадий капиталистического производства, и как «внешнее отделение фабрики»¹⁷ непосредственно организуемое и руководимое фабрикантом, чтобы восполнить то или иное звено еще не до конца механизированного производственного цикла. Это последнее качество сельской домашней промышленности и рассеянной мануфактуры, приобретенное уже в XIX в., позволило Ф. Энгельсу рассматривать их рост как своеобразный способ «распространения промышленной революции на деревню», ее развития «вширь»¹⁸.

Между подъемом крупной машинной индустрии и развитием мелкого ручного производства в это время отчетливо прослеживается взаимосвязь. Технический переворот в нескольких основных отраслях резко поднял спрос на разнообразные виды сырья и полуфабрикатов, приводил к образованию узких мест в экономике, ликвидировать которые на новой технической базе в кратчайшие сроки в тех условиях не представлялось возможным. Поэтому экономически выгодно было расширять ручное производство, благо препятствий тому в стране, располагавшей значительными запасами избыточной рабочей силы, не имелось. При этом развитие сельской домашней промышленности и мануфактуры служило

важным способом пролетаризации крестьянства, ослабления уз его беднейшей части с парцеллой, формирования из нее резервной армии для растущей крупной индустрии.

Распространение сельской домашней промышленности и мануфактуры выражало сущность экстенсивной ступени промышленной революции. В экономическом плане оно означало ставку на ускорение промышленного роста посредством наиболее полного использования затрат труда при экономии капиталозатрат, а в социальном — широкое применение методов формального подчинения труда капиталу, поскольку возможности реального подчинения были ограничены в силу занятости основной массы рабочих рук в парцеллярном хозяйстве.

Традиционные формы и методы хозяйственной деятельности не исключали быстрого развития механизированного сектора экономики. Они не столько служили препятствием крупной машинной индустрии, сколько объективно готовили для нее почву. В социально-экономическом развитии Франции того времени сложился своеобразный «дуализм» (или «симбиоз») традиционных доиндустриальных и новейших индустриальных форм хозяйственной деятельности и производственных отношений.

Начиная с 1830-х годов Франция постепенно стала переходить на интенсивный путь социально-экономического развития. К этому времени исчерпал свои возможности метод снижения издержек производства посредством эксплуатации дешевой сельской рабочей силы. Одновременно сложились условия для завершения технического переворота в основных отраслях промышленности и на транспорте. Экономический кризис конца 40-х годов положил конец динамичному развитию мелкого ручного производства. Оно вступило в период застоя или замедленного роста, тогда как общий темп промышленного роста Франции в середине XIX в. повысился. Нарастающий упадок сельской домашней промышленности и мануфактуры наряду с началом механизации сельского хозяйства привел в середине XIX в. к началу массового «исхода» из деревни бедноты, вливавшейся в резервную армию труда крупной индустрии¹⁹. В связи с повышением роли технического прогресса в экономическом развитии возросли капиталозатраты промышленников, выражавшие их внимание к совершенствованию материально-технической базы производства. В этих условиях расширились возможности для реального подчинения труда капиталу. Следовательно, коренная ломка производственных отношений под влиянием машин, составлявшая сущность промышленной революции, сбросила, наконец, оболочку традиционных форм производства и приобрела классический, отчетливый характер.

* * *

Преобладанием экстенсивных факторов социально-экономического развития в первые десятилетия промышленной революции

во многом объясняются особенности положения французской буржуазии. Главная из них заключалась в переплетении «двух путей» преобразования способа производства, охарактеризованных К. Марксом в главе «Из истории купеческого капитала» III тома «Капитала»²⁰.

Как известно, на мануфактурной стадии развития капитализма главной и самостоятельной формой капитала остается, как и в прежние времена, купеческий или торговый капитал, который исторически предшествует капиталистическому способу производства. Еще до начала промышленной революции начинается процесс превращения торгового капитала в промышленный. Он заключается в том, что купцы выступают организаторами промышленного производства в форме простой капиталистической кооперации или рассеянной мануфактуры. С этого времени все более распространенной фигурой становится капиталист переходного от торговца к промышленнику типа. Он как бы воплощает один из исторических путей перехода от феодального к капиталистическому способу производства, когда, по словам К. Маркса, «купец непосредственно подчиняет себе производство», «непосредственно становится промышленником»²¹.

Для понимания роли и значения капиталистов этого типа очень важна характеристика, данная Марксом купеческому капиталу: «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависящей от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»²². Поэтому, заключает Маркс, «как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени... все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку»²³.

К. Маркс вместе с тем подчеркивал, что существование и развитие купеческого капитала «до известной степени само является историческим условием для развития капиталистического способа производства»²⁴. Полное же использование всех подготовленных купеческим капиталом условий для перехода к новому способу производства Маркс связывал с тем, что производство овладевает сферой обращения — «производитель», «промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли»²⁵. Это подчинение купеческого капитала промышленному, его превращение в обособившуюся часть последнего Маркс охарактеризовал как «действительно революционизирующий путь»²⁶, т. е. фактически обеспечивающий революцию в способе производства.

К последней четверти XVIII в. Франция являлась страной развитого купеческого капитала. Внешняя торговля была процветающей отраслью экономики, оборот которой в 1716—1787 гг. возрос

в 10 раз²⁷. Активная заморская торговля, преимущественно с колониями в Вест-Индии, стимулировала промышленный подъем в западных и южных районах страны. Тенденция к расширению производства обусловила начало технического переворота в хлопкопрядении.

Однако препятствием развитию капитализма служили многочисленные ограничения свободы конкуренции, свободы реализации промышленным капиталом своей «революционизирующей» потенции, связанные с пережитками феодализма и абсолютистским строем. Французская революция сняла эти ограничения. Такие ее преобразования, как уничтожение феодальных повинностей крестьян, упразднение монополий и привилегий всякого рода, учреждение свободы частного предпринимательства, унификация национального рынка, и многие другие, обеспечили необходимый простор производительным силам, способствовали подъему на рубеже XVIII—XIX вв. крупной машинной индустрии.

Вместе с тем торговый капитал в результате революции сохранил способность к развитию. Своеобразный путь решения аграрного вопроса, победивший в ходе революции, укрепил parcelлярную структуру крестьянского землевладения, которая служила источником аграрного перенаселения. Это способствовало преобладанию экстенсивных факторов социально-экономического развития и после революции. Первые десятилетия индустриализации были порой процветания капиталиста переходного типа — торговца, который инвестировал часть своего капитала в промышленное производство.

Этот социальный тип был представлен как мелкими «торговцами-фабрикантами», раздававшими сырье рабочим домашней промышленности или стоявшими во главе рассеянной мануфактуры, так и крупными негоциантами, совмещавшими роли купца, банкира и промышленника. Их капитал частично функционировал уже как промышленный. Однако организованное ими производство служило лишь дополнением традиционной посреднической торговли. Поэтому деятельность «торговца-фабриканта» или негоцианта непосредственно не вела к преобразованию общественных отношений, хотя и готовила для них почву. Крупные капиталовложения в земельную собственность, государственную ренту отражали их тесную связь с традиционными формами богатства, каналами обогащения и средствами производства.

Капиталист переходного типа олицетворял преемственность между старым порядком и послереволюционной Францией, в которой как бы более полно реализовались возникшие гораздо раньше возможности экстенсивного роста капиталистического уклада экономики. Французский историк Л. Бержерон сравнивает эту группу капиталистов с плодородным гумусом, из толщи которого «прорастали новейшие разновидности капитализма»²⁸.

Двойственная роль купеческого капитала особенно ярко проявилась в условиях сложной экономической конъюнктуры революционных лет. С одной стороны, экономический спад середины 1790-х

годов и крах обслуживавшего колониальную торговлю сектора промышленности отвращали буржуазию от производственных инвестиций, с другой — продажа национальных имуществ и необходимость снабжения армии открывали перед ней заманчивую перспективу спекулятивной наживы. Благодаря всякого рода спекуляциям «за несколько лет возник и обогатился целый класс деловых людей»²⁹.

Одним из наиболее заметных представителей этого «класса» был Г. Уврар, поставщик продовольствия военно-морскому флоту во времена Директории. Представление о размерах его огромного состояния дает то, что при разверстке 100-миллионного займа 19 термидора VII г. его взнос достигал 50 тыс. фр.³⁰ Прибылями от военных поставок финансировались спекуляции национальным имуществом. Тот же Уврар в IV г. Республики купил поместья в департаментах Эндр и Эндр-и-Луара, которые спустя пять лет продал за 800 тыс. фр. вместе с другой земельной собственностью, оценивавшейся в 350 тыс. фр.³¹ Прибыли от спекулятивных операций редко инвестировались в промышленное производство. Л. Бержерон считает «нетипичным» поведение Ф. Ришара, который, разбогатев в 1790-е годы на торговле контрабандным английским полотном, занялся при Консульстве промышленным предпринимательством³². Чаще всего приобретенные таким путем капиталы вкладывались в недвижимость. Характерен пример некоего Поле, военного поставщика периода Директории, сколотившего огромное недвижимое состояние, которое при Реставрации оценивалось в 500 тыс. фр. ренты³³.

Стремление к спекулятивной наживе овладело широкими слоями торговой буржуазии начала XIX в. Например, в Тулоне «типичный негодяй», как отмечает М. Агюлон, предпочитал стать не «промышленником», а «поставщиком»³⁴.

Все это привело к усилению позиций торгового капитала. Характеризуя участие парижской буржуазии в «первом натиске промышленной революции» 1800-х годов, Л. Бержерон пишет: «Нет сомнения, что технически Париж был на острие прогресса. Но экономически, социально это участие оставалось под контролем торгового капитала... который, отличаясь несомненной широтой взгляда и деловой хваткой, все же был совершенно неоригинален в своих структурах»³⁵.

Важным признаком преобладания торгового капитала в начале XIX в. был заметный рост вложений буржуазии в недвижимую собственность в ущерб инвестициям. Такого рода непроизводительные вложения привлекали буржуазию не только своей «надежностью», что в условиях политической и военной нестабильности было немаловажным мотивом поведения, но и высоким общественным престижем, которым пользовались крупные землевладельцы. Стремясь приспособиться к общественным отношениям, в основе которых лежала собственность на землю как главное средство производства, торговый капитал проявлял свою неспособность к их коренному преобразованию.

Новейшие данные свидетельствуют, что после революции возросли и уж во всяком случае длительное время оставались на высоком уровне как доля буржуазии (недворян), так и удельный вес землевладельцев-рантье в целом в социальной структуре французского крупного землевладения. Но прежде чем рассмотреть эти данные, следует уточнить степень их надежности и достоверности.

Источники по социальной истории Франции первой половины XIX в. подразделяют верхние слои общества на следующие основные социопрофессиональные категории: «землевладельцы», т. е. лица, предположительно живущие на земельную ренту и не занимающиеся перечисленными ниже видами профессиональной деятельности; «должностные лица», находящиеся на государственной службе; не связанные с государственной службой лица «свободных профессий»; лица «экономических профессий», охватывающих деятельность в сфере торговли, кредита и промышленности. Фиксируя некоторые реальные общественные грани, эта классификация далеко не всегда с достаточной полнотой и точностью выявляет социально-экономическую сущность соответствующих групп. Так, нередко лица, отнесенные к «экономическим профессиям», являлись крупнейшими земельными собственниками, а титулованные дворяне, предпочитавшие именоваться «землевладельцами», были капиталистическими предпринимателями. Еще больше неясности с «должностными лицами» и лицами «свободных профессий», поскольку условием принадлежности к этим категориям, как правило, было наличие крупной недвижимой собственности или же участие в предпринимательской деятельности.

Кроме того, эти источники имеют и ряд специфических недостатков. Так, в списки избирателей в первой половине XIX в. вносились лица, платившие довольно высокий ценз, как называлась сумма прямых налогов — поземельного, с движимого имущества и с торгово-промышленной деятельности (с «патента»). Но поскольку налогами в то время облагались не доходы, а состояния, причем недвижимая собственность в непропорционально большей мере, чем движимое богатство, постольку удельный вес крупных землевладельцев в составе цензовых избирателей искусственно завышался по сравнению с капиталистическими предпринимателями, инвестировавшими свои капиталы. По этой же причине не вполне могут удовлетворить и материалы фиска. Что касается документов государственной регистрации актов гражданского состояния и нотариата, в том числе завещаний, описей имущества, брачных контрактов и т. д., то они также позволяют судить в основном о размерах и структуре состояний, да и то лишь в начале или конце периода активной профессиональной деятельности владельцев, т. е. времени вступления в брак и составления завещания.

Неполнота источников с точки зрения их содержания затрудняет их интерпретацию и нередко является причиной разногласий современных историков.

Социальную структуру французского крупного землевладения начала XIX в. отразила проведенная в 1803 г. перепись 1056 крупнейших плательщиков поземельного налога (по 12 от каждого департамента). Среди них А. Собуль насчитал 130 представителей «экономических профессий» (негоциантов и мануфактуристов) и 114 землевладельцев-рантье буржуазного происхождения. Они во время революции не только сохранили приобретенную ранее земельную собственность, но и расширили ее. Именно среди них особенно велика была пропорция крупных покупателей национальных имуществ. Симптоматичен и другой факт: за годы революции среди ученых переписью лиц (их социальный статус в 1789 г. известен) значительно — с 257 до 852 — увеличилось число землевладельцев-рантье. Такой рост объясняется прежде всего тем, что революция заставила многих дворян оставить государственную службу. Но примечательно, что после революции предпочли жить на земельную ренту даже те из бывших дворян, кто до 1789 г. занимался предпринимательской деятельностью (таких насчитывалось 41 человек)³⁶.

Таким образом, перепись 1803 г. зафиксировала возникновение особой социально-классовой группы буржуазных по типу землевладельцев-рантье. В ней после революции слились как дворяне старого порядка, лишившиеся феодальной ренты и других сословных привилегий, так и часть буржуазных по происхождению крупных земельных собственников. Последние представляли во Франции первой половины XIX в. живую ветвь буржуазии старого типа — той традиционной, торговой у своих истоков «буржуазии старого порядка», которая в течение XVII—XVIII вв. настойчиво тортила дорогу к дворянским привилегиям³⁷.

Источники отводят землевладельцам-рантье преобладающее место в высших слоях французского общества на протяжении всей первой половины XIX в. Их доля в социопрофессиональной структуре цензовых избирателей даже возросла с 46,2 % в 1820 г. до 49,9 % в 1842 г. Лица «экономических профессий» значительно уступали им, составляя соответственно 36,5 и 29,4 % «политического класса» Франции³⁸. Землевладельцы-рантье являлись самой богатой группой господствующего класса. В 1840 г. среди 512 крупнейших налогоплательщиков, ценз которых составлял не менее 5 тыс. фр., 377 были «землевладельцами» и всего лишь 77 — представителями «экономических профессий»³⁹. Именно на этих расчетах основывает А. Коббен свой вывод о господствующем положении крупных землевладельцев в первой половине XIX в.

Следует, однако, подчеркнуть относительность противопоставления «землевладельцев» лицам «экономических профессий». Как отмечает Л. Бержерон, еще на заре индустриализации «среди основателей парижской хлопчатобумажной промышленности... не раз можно встретить «землевладельцев»... которые безошибочно увидели в подъеме крупной индустрии прибыльный способ вложения капитала». Таким, в частности, был некий Л. Ж. Корню, участвовавший своими 100 тыс. фр. в основании крупного прядильно-

ткацкого предприятия, первоначальный капитал которого превышал полмиллиона⁴⁰. Как будет показано ниже, постепенно землевладельцы-рантье все активнее вовлекались в финансирование предприятий и даже в управление ими в капиталоемких отраслях.

Если на протяжении всей первой половины XIX в. характерной фигурой деловых кругов Франции оставался капиталистический предприниматель переходного типа — торговец, организующий промышленное производство, — то по мере подъема крупной машинной индустрии в противовес ему все большее значение приобретал капиталистический предприниматель нового типа — промышленник. Опираясь на современные средства производства в виде машин, энергии пара, новых технологий, промышленники становились наиболее динамичным компонентом деловой буржуазии.

Формирование таких предпринимателей происходило главным образом в тех отраслях экономики, которые в наибольшей степени затронул технический переворот и подъем крупной машинной индустрии вообще. Во Франции первой половины XIX в. это была в основном текстильная промышленность, особенно хлопчатобумажная. Добывающая и другие отрасли обрабатывающей промышленности вплоть до 1830-х годов переживали доиндустриальную стадию развития. Следовательно, в это время тип капиталиста-промышленника олицетворял прежде всего текстильный предприниматель-новатор.

Дорогу ему расчистили революционные преобразования конца XVIII в., закрепленные новым буржуазным законодательством. Его происхождение могло быть весьма скромным. После революции благоприятными возможностями для предпринимательской деятельности воспользовались представители мелкой буржуазии — ремесленники, крестьяне, а также квалифицированные рабочие мануфактур, хозяйственную инициативу которых сковывал старый порядок. Характеризуя положение рядовых членов ремесленных корпораций конца XVIII в., Е. М. Кожокин пишет: «Революция открыла широкие перспективы перед деятельной личностью. Доступность общественно-политической карьеры и возможность возращения через предпринимательство возросли несравненно»⁴¹. Нередко пионерами крупной машинной индустрии выступали мануфактуристы, занимавшиеся производственной деятельностью еще до революции. Стремясь к расширению рынка и снижению издержек производства, промышленники способствовали глубокому преобразованию общественных отношений.

Возникновение в середине XIX в. нового типа капиталистических предпринимателей отмечал П. Леон, изучавший становление крупной промышленности в Дофине. «... Большинство промышленников — основателей крупных предприятий, — писал он, — происходило не из крупной торговли; новый тип делового человека, тип предпринимателя, досконально разбирающегося в своей профессии, внимательного к любым новшествам, был создан именно мелкими ремесленниками, мелкими фабрикантами, иногда служащими»⁴². Этим «предпринимателей-специалистов XIX в., являвшихся

одновременно и инженерами и руководителями предприятий», Леон называл истинно «новаторским элементом» буржуазного класса⁴³.

В первой половине XIX в. существование двух типов капиталистических предпринимателей соответствовало параллельному развитию традиционного, подчиненного торговому капиталу и передового, связанного с промышленным капиталом укладов экономики. Их «симбиоз» и обусловил своеобразие облика деловых кругов Франции того времени.

Категория лиц «экономических профессий» в наибольшей мере соответствовала социально-классовой группе «деловой буржуазии», объединявшей непосредственных руководителей промышленных и торговых предприятий, банков, транспортных контор и т. д. Развитию этой группы дала мощный толчок промышленная революция, которая привела и к глубокой ее дифференциации. Однако статистические источники не позволяют дифференцировать лиц «экономических профессий» по признаку принадлежности к двум социальным типам. Охарактеризовать их можно, опираясь главным образом на примеры отдельных человеческих судеб, анализ деятельности отдельных предприятий.

Оба типа предпринимателей были хорошо представлены в Париже начала XIX в. Как установил Л. Бержерон, в это время основатели крупных механизированных предприятий в текстильной промышленности столицы происходили, как правило, «из среды торговцев, негоциантов — иногда высокого полета»⁴⁴. Характерен пример торгового дома «Гро-Давилье». Специализируясь в области международной торговли полотном и ситцем, он одновременно занимался комиссионными и банковскими операциями, а также владел шестью текстильными предприятиями. В 1802—1811 гг. его капитал возрос с 2,2 млн до 4,4 млн фр., в том числе промышленный — до 1,2 млн⁴⁵. Подчас основателями очень крупных для того времени предприятий были «выскочки» наподобие упомянутого выше Ришара. В 1810 г. он возглавлял шесть прядильных предприятий (109 тыс. веретен) с 3,6 тыс. рабочих и рассеянное по деревням Пикардии и Нормандии ткацкое производство, в котором было занято еще 8,8 тыс. рабочих. К 1812 г. Ришар контролировал 10 % производственных мощностей французской хлопкопрядильной промышленности⁴⁶.

Вместе с тем Бержерон отмечает, что «в случае самых мелких предприятий... предприниматель в области хлопкопрядения или ткачества мог происходить скорее всего из ремесла или лавочной торговли; даже квалифицированный рабочий, ранее трудившийся на прядильном предприятии, мог завести собственное дело»⁴⁷. В начале XIX в. такого рода предприятия, по-видимому, едва выжили над уровнем ремесленного производства и их владельцы представляли собой лишь материал, из которого со временем получились капиталистические дельцы новой закваски.

Однако еще в начале XIX в. Париж выдвинул таких предпринимателей, как К.-Ф. Оберкампф, который, по словам С. Шассаня,

«в совершенстве воплощал тот новый, "действительно революционизирующий", по Марксу, социальный тип предпринимателя, вышедшего из сферы производства и ставшего одновременно торговцем и эксплуататором наемного труда, минуя промежуточную стадию рассеянной мануфактуры»⁴⁸. Еще до революции Оберкампф владел процветающим ситцепечатным предприятием мануфактурного типа. Сокращение импорта полотна в 1790-е годы поставило предприятие на грань краха. Но Оберкампф не прельстился возможностью спекулятивного обогащения и не стал «зарывать капитал в землю», т. е. обращать его в недвижимость. Он сумел избежать банкротства, переориентировав производственную деятельность в соответствии с новыми хозяйственными условиями. В 1805—1810 гг. он построил механическую прядильню и организовал ткацкое производство в цехе и на дому. Его машиностроительная мастерская не только покрывала потребность собственного предприятия, но и поставляла технику на рынок⁴⁹.

В роли пионеров промышленной революции выступали в начале XIX в. и мануфактуристы-ситцепечатники Руана, предприятия которых были основаны еще до революции. Один из них, Ж.-Б.-Ф. Кейтенже, сын мануфактуриста — выходца из Вюртенберга, в 1788 г. стал совладельцем ситценабивного предприятия в Больбеке (близ Руана), а в 1792 г. — его единственным главой. Он первым в своем городе применил техническую новинку — цилиндровую машину. О коммерческом успехе его предприятия свидетельствовало открытие в 1817 г. конторы в Руане, региональном центре оптовой торговли тканями.

Как показывает Ж.-П. Шалин, в этом «французском Манчестере» (так называли Руан в середине XIX в.) крупными текстильными предпринимателями эпохи подъема машинной индустрии являлись обычно лица, «инвестирующие в промышленность состояние, нажитое благодаря оптовой торговле»⁵⁰. Например, из семьи негоциантов, известной с XVII в., происходил Ш.-М. Рондо, который после революции основал мануфактуру, не порывая с торговлей.

И все же «характерной чертой хлопчатобумажного патроната» Руана было, по словам Шалина, «скромное происхождение» большинства его представителей. Довольно часто предпринимателями становились «мастера и другие представители ремесла, обладающие технической компетентностью». Примером может служить некий Ж.-Б. Пинель, цеховой мастер, который в числе первых основал в Девиле механическую прядильню. В 1809 г. его состояние превышало 1 млн фр.

«Самым широким и, несомненно, наиболее устойчивым» каналом пополнения класса деловых людей была так называемая «фабрика», т. е. рассеянная мануфактура согласно значению этого слова в то время. Ее организация не требовала больших первоначальных расходов, поэтому многие крестьяне и деревенские ремесленники брали на себя смелость выступить в роли «торговца-фабриканта».

В дальнейшем некоторые из этих людей превращались в крупных предпринимателей, как например О.-Ф. Пуйе, богатый крестьянин из деревни Этутвиль близ Ивто. В годы Империи и Реставрации он раздавал сырье сельским ткачам и продавал их продукцию на рынке в Руане. В 1840 г. он сделал своего сына совладельцем механизированного прядильно-ткацкого предприятия, которое несколько лет спустя выкупил полностью. К концу жизни состояние Пуйе достигло 3 млн фр.

Эти примеры, взятые из локальных исследований, дополняют и подтверждают выводы К. Фолен, который предпринял попытку дать целостную картину формирования хлопчатобумажного патрона. В его составе автор выделил четыре большие группы предпринимателей.

К первой по значению группе принадлежали «династии» богатейших заводчиков, возникшие на рубеже XVIII—XIX вв. и опиравшиеся на долгую семейную традицию предпринимательской деятельности в сфере мануфактурного производства. Таковы были Дольфусы, Шленберже и др. в Мюлузе (Эльзас), а также Моты и Бредары в Рубэ (департамент Нор).

Особую группу образовывали выходцы из ремесленного производства. Многие ее представители вступали на предпринимательский путь в качестве «торговцев-фабрикантов». С распределения пряжи ткачам-надомникам, например, начинала семья Леметр-Деместер. Около 1830 г. она собрала несколько ручных станков под одну крышу. К 1850 г. эта мастерская превратилась в крупное механизированное предприятие. Другие представители этой группы происходили из специализированных отраслей текстильного производства, которые долгое время были расплывены по мелким мастерским. Из маленькой красильни возникло в 1802 г. крупное текстильное предприятие Мекийе в Эрикюре (близ Бельфора). С красильной и белильной мастерских началось в 1831 г. возвышение семьи Майе из Армантьера. В 1835 г. их предприятие было дополнено прядильней, а в 1845 г.— механизированным ткацким цехом. К этой группе Фолен отнес также выходцев из среды торговцев тканями. Так, в 1840 г. основала прядильню семья Косера, торговавшая готовым текстилем с начала XIX в. Самая многочисленная, эта группа хлопчатобумажных предпринимателей по силе и богатству своих членов значительно уступала всем другим; среди ее представителей, отмечает Фолен, нельзя найти «ни одного крупного имени».

Небольшую группу составляли негоднянты, торговцы, комиссионеры, которые инвестировали свои капиталы в промышленное производство, целиком покупая предприятия. Наконец, Фолен выделяет группу «выскочек», для которых инвестиции в прибыльную отрасль являлись разновидностью спекулятивной операции⁵¹.

Если в хлопчатобумажной промышленности первой половины XIX в. широко представлены оба основных типа капиталистических предпринимателей, то иную картину являли другие текстильные отрасли — суконная (частично), льняная и особенно шелко-

ткацкая,— где механизация задержалась. Шелкоткацкая промышленность развивалась в традиционной форме рассеянной мануфактуры, полностью подчиненной торговому капиталу⁵². Отдельные попытки создания централизованной мануфактуры с использованием усовершенствованной техники приводили к возникновению сравнительно крупных предприятий-интернатов наподобие «Соважер» (в 1828 г.— 600 рабочих, 600 тыс. фр. оборота), на которых эксплуатировался, по существу, несвободный детский труд, т. е. воспроизводилось свойственное торговому капиталу формальное подчинение труда⁵³. Лишь в смежных с шелкоткацкой отраслях во второй четверти XIX в. дифференциация ремесла привела к появлению ряда небольших передовых по типу капиталистических предприятий. Так, в красильном производстве в 1832 г. возникло предприятие братьев Мишель с капиталом 100 тыс. фр. и 40 рабочими. В 1838 г. основал предприятие Ф. Жилле, в прошлом — ученик ткача и рабочий у братьев Мишель. В 1846 г. его капитал составил 20 тыс. фр. (три четверти этой суммы принадлежало тестю предпринимателя). Предприятие «Гину» в 1834 г. насчитывало 100 рабочих, а в 1843 и 1847 гг. на нем были установлены две паровые машины мощностью 16 л. с.⁵⁴

Ручное производство преобладало и в сукноделии. Тем не менее перемены здесь обнаружили довольно рано. Ярким примером предпринимателя нового типа являлся Г. Терно. В 1781 г. в возрасте 18 лет он унаследовал крохотное сукнодельческое предприятие в Седане, которое насчитывало всего лишь 16 станков. Терно руководил им столь успешно, что к 1794 г. имел уже 150 станков, а оборот «дела» достигал 1 млн ливров. Однако он был вынужден все бросить и эмигрировать, оказавшись в немилоути у якобинцев. В 1798 г. Терно возобновил производство с 15 станками. Прошло двадцать лет — и его предприятие насчитывало 1100 станков, размещенных в трех десятках мастерских в окрестностях Седана, а также в Бельгии, Шампани, Нормандии и окрестностях Парижа. Кроме сукнодельческих имелось еще около десятка машиностроительных, ремонтных, аппретурных и других заведений, обслуживавших основное производство. В промышленной «империи» Терно трудилось около 20 тыс. рабочих и служащих. Залогом процветания было то, что ее глава сделал ставку на расширение рынка путем улучшения качества и увеличения ассортимента тканей, а также на снижение издержек производства посредством механизации и рационализации. Он не только стремился приспособить к сукноделию технику, применявшуюся в хлопчатобумажном производстве, но и поощрял поиски оригинальных новшеств. В частности, было запатентовано около 30 изобретений, использованных на его предприятиях. Заботясь о бесперебойном снабжении сырьем и расширении сбыта продукции, Терно создал по всей Франции и за границей сеть складов, контор, агентств и розничных магазинов. Перевозку грузов между ними обеспечивали конные экипажи, принадлежавшие предприятию, или же транспортные конторы, в которых Терно участвовал в ка-

честве пайщика. В 1825 г. был образован банк, централизовавший все финансовые операции разветвленного предприятия⁵⁵.

Капиталисты переходного типа преобладали в металлургии, а также в интегрированных с ней горнодобывающей и машиностроительной отраслях. Специфика производства — его капиталоемкость, связь с крупной недвижимой собственностью и т. д. — значительно ограничивала здесь возможности обновления состава предпринимателей. Длительное сохранение, по существу, ремесленной технологии сочеталось в металлургической отрасли с «дворянским» обликом очень многих крупных предприятий, находившихся в руках земельной аристократии, которая либо непосредственно их эксплуатировала, либо сдавала в аренду⁵⁶. Невосприимчивые к техническому прогрессу, представители этого традиционного компонента деловой буржуазии видели в таможенном протекционизме главное средство повышения доходности своих предприятий. С этой целью они стремились и к ограничению внутренней конкуренции, форсируя создание гигантских по тому времени объединений (наподобие «Компании угольных шахт Луары»), которые монополизировали региональные рынки⁵⁷.

Тем не менее исследователи отмечают возникновение и в этой архаичной отрасли французской промышленности «новых предпринимателей», делавших ставку на технический прогресс⁵⁸. От большинства владельцев металлургических предприятий они отличались не только технической компетентностью, но нередко и социальным происхождением. На рубеже XVIII—XIX вв. Л. Фрержан был владельцем полуремесленной литейной мастерской в Лионе. В 1803—1808 гг. он построил в пригороде Вьенна большое предприятие, являвшееся вторым по значению после «Крезо» поставщиком армии. Одновременно, словно предчувствуя грядущие перемены, Фрержан начал постепенную переориентировку с литья и проката бронзы, на которых он до сих пор специализировался, на производство черных металлов. Раньше и быстрее других он сумел применить у себя английскую индустриальную технологию. В 1819—1822 гг. капитал «Кузнечно-литейного предприятия Луи Фрержан с сыновьями» возрос с 1 млн до 4 млн фр.⁵⁹

Гораздо болезненнее адаптировалось к новой конъюнктуре упомянутое выше предприятие «Крезо». В 1826 г. оно перешло в руки английской компании «Манби-Уильсон», которая в течение двух лет осуществила его коренную реконструкцию. Однако в условиях экономического кризиса компания обанкротилась. «Крезо» возродилось в 1836 г. с приходом новых владельцев — братьев Адольфа и Эжена Шнейдеров. Адольф был служащим парижского банкира Сейльера, затем оптовым торговцем тканями и заимодавцем «Манби-Уильсона». Эжен с 1827 г. руководил кузнечным предприятием в Монтивилье (Арденны). Связи в финансовых кругах, деловой опыт помогли Шнейдерам добиться бесспорного успеха. В 1839—1847 гг. производство железа в «Крезо» возросло с 6 до 20 тыс. т. Но, главное, они раньше других поняли большое будущее машиностроения, железных дорог и т. п. Еще в 1838 г. «Кре-

зо» поставило на рынок один из первых изготовленных во Франции локомотивов, 22 паровые машины и 50 котлов. В 1840 г. «Крезо» впервые экспортировало французский локомотив⁶⁰.

Примеры Фрержана и Шнейдеров интересны кроме всего прочего тем, что показывают, при каких условиях могли проникать в круг предпринимателей капиталоемких отраслей промышленности люди, изначально не располагавшие необходимыми финансовыми или материальными ресурсами. Фрержан сумел добиться резкого увеличения фондов своего предприятия в начале 1820-х годов, преобразовав его в акционерное общество⁶¹. Шнейдеры опирались на постоянную поддержку банка Сейльера⁶². Новые формы мобилизации капитала, промышленного кредита, постепенно пробивавшие себе дорогу, в первую очередь способствовали обновлению патроната в этом секторе экономики.

Как уже отмечалось, проследить этот противоречивый процесс по имеющимся источникам крайне трудно, поскольку они явно занижают роль и общественный вес предпринимателей, отражая в своеобразной форме реальный конфликт между устаревшими, но официально признанными общественными структурами и передовыми, пока еще не получившими официального статуса общественными отношениями. Достаточно сослаться на один пример: из общей суммы ценза крупнейшего фабриканта начала XIX в. Г. Терно в 3969 фр. «патент» составлял всего лишь 440 фр.⁶³

Все же среди избирателей, занятых профессиональной деятельностью (т. е. всех, за исключением «землевладельцев»-рантье), представители «экономических профессий» преобладали. В 1820 г. негоцианты, банкиры, промышленники составляли в Париже две трети их числа⁶⁴, а в 1847 г. по стране в целом — три четверти, причем их преобладание было особенно значительным в крупных городах: в Париже — 77 %, в Амьене и Руане — 85 %⁶⁵. В Руане они вообще были самой большой категорией избирателей, почти вдвое превышающей число «землевладельцев»⁶⁶. Среди избирателей, ценз которых превышал 1 тыс. фр., треть занималась какой-либо профессиональной деятельностью, из них 48 % руководили предприятиями⁶⁷.

Развитие группы капиталистических предпринимателей было связано с общим повышением социальной мобильности, закономерным следствием которой являлось общее размывание традиционных социально-классовых граней. Л. Бержерон, отмечая нечеткость «контуров группы деловых людей в Париже» того времени, метко охарактеризовал ее как «социальный перекресток», где встречались капиталы и лица самого разного происхождения, привлеченные прибылью предпринимательской деятельности⁶⁸. «Определенная социальная разжиженность, относительная легкость доступа в круг патроната» наблюдалась и в Руане начала XIX в.⁶⁹

Особенно большое значение в первые десятилетия промышленной революции имела восходящая вертикальная мобильность, в результате которой главным образом и комплектовались кадры

«отцов — основателей» крупной индустрии. В первой половине XIX в. число обладателей «патентов» во Франции росло быстрее, чем численность населения. В 1817—1848 гг. в Тулоне их стало больше на 50 %⁷⁰. Даже в таком относительно отсталом в индустриальном отношении городе того времени, как Нанси, в 1818—1845 гг. владельцев «патентов» прибавилось на 90 %⁷¹. В Париже опережение роста числа «патентов» по сравнению с ростом населения увеличилось с 5,56 % в 1817 г. до 6,99 % в 1846 г.⁷²

Ряды парижской буржуазии значительно пополнились выходцами из низших социальных групп. При этом число мелких предприятий росло пропорционально быстрее, чем крупных. Следовательно, социальная мобильность в низших слоях буржуазии отличалась большим динамизмом, чем в высших. Да и процесс восхождения на более высокие ступени социальной лестницы был поэтапным, как правило, растянутым на несколько поколений. Если мелкая и средняя буржуазия «обновлялась» преимущественно благодаря притоку разбогатевших крестьян и деревенских ремесленников, то крупная буржуазия пополнялась главным образом представителями средних слоев. А. Домар проследила изменения в имущественном положении богатых парижан первой половины XIX в. от вступления в брак до смерти по материалам государственной регистрации и нотариальным актам. Всего удалось собрать сведения о 164 лицах, состоянии которых к концу жизни превышало 500 тыс. фр. Большинство из них уже при вступлении в брак, т. е. по своему семейному происхождению, принадлежало к богатым слоям. Но 21 % к этому событию жизни располагали капиталом менее 10 тыс., а 9,8 % — менее 1 тыс. фр. Причем доля лиц этих категорий была выше среди негоциантов — соответственно 32 и 15 %⁷³. Поэтому есть основания предположить, что именно занятие торгово-промышленной деятельностью открывало наиболее широкие перспективы возвышения.

Знаменем времени могут служить стремительные карьеры отдельных предпринимателей, которым удалось подняться от подножия до вершины социальной пирамиды. Например, некий А. Эрцог начал свой путь в 1804 г. простым рабочим-прядильщиком на одном из предприятий Дольфусов. Вскоре он стал мастером, был послан учиться в Париж. Получив образование, Эрцог руководил одной из прядилен Н. Шленберже. А в 1830 г. основал в Ложельбахе, близ Кольмара, собственное предприятие, которое в 1836 г. состояло уже из двух прядилен — на 48 тыс. и 16 тыс. веретен⁷⁴. Но, пожалуй, наиболее поразительным примером такого социального восхождения является судьба рабочего Ж.-Ф. Кайля. В 1824 г. он поступил на работу к Ш. Дероню простым слесарем, вскоре стал мастером, пайщиком предприятия, а с 1836 г. — компаньоном. Благодаря деятельности Кайля предприятие, начиная с 1834 г., значительно расширило производство, перейдя от выпуска оборудования для сахарной промышленности к изготовлению техники для железных дорог. В 1844 г. им была выпущена первая партия из восьми локомотивов⁷⁵.

Неизбежным спутником восходящей социальной мобильности была мобильность нисходящая: предприятия и капиталисты, не выдержавшие конкуренции, сходили со сцены, уступая место более удачливым, напористым, предприимчивым дельцам. Так, только в Париже с 1825 по 1847 г. сменились названия половины торговых домов, занимавшихся оптовой торговлей тканями. Статистика банкротств свидетельствует, что экономический кризис рубежа 1820—1830-х годов поразил даже торговые дома первой величины, принадлежавшие старым семьям негоциантов, имена которых являлись для современников символами богатства⁷⁶.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в первой половине XIX в. французская буржуазия существенно «обновилась» за счет пришельцев извне. Они составили многочисленный компонент «новой» буржуазии, которая была порождена промышленной революцией. Их удельный вес был выше в отраслях легкой промышленности (особенно текстильной), теснее связанных в ту пору с ремеслом, мелкой торговлей, крестьянским хозяйством, наконец с массовым потребителем. Именно потому, что значительная часть «новой» буржуазии в первой половине XIX в. была близка у своих истоков к стихии индивидуального производства, трудно проследить во всех подробностях ее социальное возвышение, не говоря уже о сколько-нибудь достоверной статистической оценке. К середине XIX в. ее богатство было еще недавнего происхождения. По силе и могуществу она уступала обладателям старого богатства — земельной аристократии и «старой» буржуазии. Поэтому вплоть до середины XIX в. ее социальное возвышение не получило признания и закрепления официальными общественно-политическими структурами. Вместе с тем богатейшая элита промышленной буржуазии, представленная, например, династиями текстильных фабрикантов Мюлуза и Рубэ, сумела проложить дорогу в верхи общества. Характеризуя этапы ее возвышения, А. Домар пишет: «...поколение современников революции и Империи основало династии, отцы стали пионерами, их дети остались творцами. Они образовали новую аристократию — деятельную и постоянно наращивающую свое могущество...»⁷⁷. Однако эта «новая аристократия» нередко еще, особенно в провинции, была явственно отделена гранью общественных условностей от аристократизированной верхушки «старой» буржуазии.

2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ, БАНКИРЫ, ПРОМЫШЛЕННИКИ

Наряду с вертикальной исключительно важную роль в становлении нового господствующего класса играла горизонтальная социальная мобильность, в результате которой в

состав буржуазии вливались отдельные группы прежнего господствующего класса, менялась внутренняя структура буржуазии, перераспределялись функции и доминирующие позиции среди ее групп и фракций.

Задолго до Французской революции началось сближение между частью дворянства и верхушкой буржуазии. Еще накануне революции интересы отдельных групп дворянства и богатой буржуазии находились не в противоречии, а в согласии. Это отразили попытки компромисса между обоими противоборствующими классами на ее начальном этапе⁷⁸.

Французская революция расшатала, но не уничтожила вовсе дворянское землевладение. В 1803 г. в составе 1056 крупнейших земельных собственников значилось 339 бывших дворян. Причем немало крупных землевладельцев дворянского происхождения было отнесено к категориям «должностных лиц» и лиц «свободных профессий», насчитывавшим 370 человек⁷⁹. Политика Империи и особенно Реставрации способствовала укреплению дворянского землевладения. «По причине многочисленности землевладельцев-дворян и обширности их поместий, как свидетельствуют избирательные списки цензовой монархии, крупное землевладение еще долго должно было сохранять "аристократический облик"», — отмечает А. Собуль⁸⁰.

Но, отменив во всей Франции феодальные повинности крестьян и сословные привилегии, революция глубоко изменила положение дворян в обществе. Она превратила их, по выражению Ф. Энгельса, в «простых буржуазных землевладельцев с *буржуазным* источником дохода — земельной рентой»⁸¹. Быстрый рост земельной ренты в первой половине XIX в.⁸² способствовал тому, что дворянство во многом сохраняло в течение этого времени свое экономическое могущество.

Постепенно дворяне все более сближались с крупными землевладельцами буржуазного происхождения. Среди последних встречались выходцы из разбогатевших крестьян, ставших ко времени революции XVIII в. капиталистическими фермерами-арендаторами, а в годы революции и купивших свои фермы. Таковы «земледельцы-собственники» («*propriétaires-cultivateurs*») плодородной равнины Иль-де-Франса, своеобразные династии которых корнями уходили в XVI—XVII вв. Их «родословные» изучал французский историк Ж.-М. Морисо⁸³. Вот лишь несколько из описанных им реальных человеческих судеб. Некий Ш. Бежо, умерший в 1830 г., оставил наследникам ферму, которая оценивалась в 1,5 млн фр., не считая другого имущества, которое включало богатые парижские апартаменты. Оба его сына, равно как и две племянницы, вышедшие замуж за баронов Реставрации, принадлежали к сливок общества второй трети XIX в. Представитель другой крестьянско-фермерской «династии» Н. Прево получил в 1818 г. дворянскую грамоту из рук Людовика XVIII. Некий Г.-Т. Жибер стал в 1806 г. одним из регентов Французского банка. Старший его сын занял должность генерального сборщика на-

логов департамента Уаза, а дочь в 1805 г. вышла замуж за барона Сейльера, парижского банкира.

Другой, еще более распространенный тип крупных землевладельцев буржуазного происхождения был представлен промышленниками и финансистами, вкладывавшими часть прибылей в недвижимость. Наличие недвижимости в виде городских домов и особенно земельных владений в сельской местности было в первой половине XIX в. настолько типичной чертой крупных состояний деловой буржуазии, что можно и обойтись без ссылок на конкретные примеры. И все же бывший рабочий Ж.-Ф. Кайль, ставший богатейшим капиталистом, одним из пионеров машиностроения во Франции, который приобрел два поместья — в Шаранте (300 га) и Турене (1200 га)⁸⁴, — заслуживает упоминания, ибо он рельефно воплотил стремление деловой буржуазии того времени к обладанию земельной собственностью.

Сближению между крупными земельными собственниками и деловой буржуазией способствовала притягательность предпринимательской деятельности. В первой половине XIX в., особенно после революции 1830 г., побудившей многих дворян-легитимистов отказаться от государственной службы и посвятить свое время хозяйственным заботам, возросло внимание крупных земельных собственников к вопросам агрокультуры. Ф. Энгельс называл их «новым классом землевладельцев-предпринимателей», характеризую его следующим образом: «Этот класс занимается земледелием без иллюзий, свойственных феодалам, и без дворянской небрежности; он занимается им как деловым предприятием, как промышленностью, прибегая к буржуазным средствам — капиталу, знанию дела и труду... Это — часть буржуазии, эксплуатирующая земледелие»⁸⁵. Одновременно многие землевладельцы-аристократы не только поддерживали кредитом крупные предприятия, но и участвовали в управлении ими. Этот канал горизонтальной социальной мобильности обеспечил в первой половине XIX в. фактическое сращивание наиболее динамичной группы крупных земельных собственников аристократического происхождения и богатейшей верхушки деловой буржуазии.

Важные аспекты сращивания земельной и буржуазной аристократии прослеживает в своем капитальном исследовании о правящих элитах Июльской монархии А.-Ж. Тюдеск. Анализируя социопрофессиональный состав административных советов акционерных и командитных обществ, образованных около 1840 г., историк установил, что 38,7 % их членов были банкирами и негодьями, 10,3 % — промышленниками, 24,4 % — «землевладельцами», 15,7 % — чиновниками, 10,9 % — лицами «свободных профессий»⁸⁶. При этом 849 из 2400 акций «Компании плавилен Ромий» в 1840 г. принадлежали герцогу Деказу. Среди других крупных акционеров этой компании насчитывалось еще 14 представителей земельной аристократии (приблизительно столько же, сколько негодьями и банкиров). В 1842 г. из числа 22 крупнейших акционеров «Компании шахт Азэнкура», владевших половиной всех ак-

ций, 4 были дворянами, 5 — «землевладельцами», 6 — негоциантами, 1 — банкиром и 3 — фабрикантами⁸⁷.

Эти данные выявляют еще одну важную закономерность. В составе административных советов акционерных и командитных обществ (7 страховых, 5 железнодорожных, 1 почтово-пассажирского, 1 по эксплуатации речного канала и 1 каменноугольного), а также среди акционеров крупных компаний, которые в то время встречались почти исключительно в отраслях тяжелой промышленности, ведущую роль играли представители весьма традиционных форм капитала. Тюдеск так формулирует эту закономерность: «...руководство наиболее капиталоемким сектором французской экономики принадлежало в большей мере крупным землевладельцам и банкирам, чем промышленникам»⁸⁸. Малочисленность промышленников среди акционеров и членов административных советов компаний способствовала тому, что создавшиеся крупные компании оказывались «под контролем более спекулятивного торгового и банковского капитала»⁸⁹.

На основе сращения земельной аристократии и богатейшего слоя буржуазии формировалась, таким образом, особая группа господствующего класса, которую К. Маркс назвал фракцией финансовой аристократии, — «банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, связанная с ними часть земельных собственников»⁹⁰. В качестве ее характерной черты выступала связь с основным средством производства уходящей исторической эпохи (землей) и во многом традиционными спекулятивными формами капитала. Парижская фондовая биржа, где котировались акции крупнейших предприятий, являлась в первой половине XIX в. оплотом финансовой аристократии.

Важным компонентом финансовой аристократии первой половины XIX в. были владельцы нескольких крупнейших столичных банков, за которыми в период Реставрации закрепилось коллективное название «высокий банк» («la haute banque parisienne»). Некоторые из них возникли еще при старом порядке. Другие образовались на волне спекуляций в годы Империи, как например банкирские дома Лаффита, Бажено, Грефюля, Готтингера. При Реставрации в элиту парижских финансистов влились Делессеры, братья Перье, а также несколько представителей старых еврейских банкирских династий — д'Эхталь, Фульд, Ротшильд. Первоначально основным направлением деятельности «высокого банка» было финансирование традиционной международной торговли. С первых лет Реставрации все большее значение стало приобретать размещение государственных займов. Во второй четверти XIX в. в центре внимания «высокого банка» оказалось строительство водных путей и особенно железнодорожное строительство. Нельзя сказать, чтобы ему были чужды интересы промышленности, но на практике кредитом крупнейших банкирских домов могли воспользоваться лишь большие предприятия, в основном в тяжелой промышленности. Так, эльзасский банкир Ж. Юманн стал

в 1826 г. одним из главных партнеров герцога Деказа в создании крупного металлургического предприятия «Деказвилль», а парижский банкир Сейльер финансировал в 1836 г. приобретение братьями Шнейдерами металлургического предприятия «Крезо»⁹¹.

Своеобразной разновидностью крупных финансистов той эпохи были прямые преемники генеральных откупщиков старого порядка — генеральные сборщики налогов. Являясь одновременно и правительственными чиновниками и банкирами, они вносили крупный залог за право назначения на должность. Его размер колебался от 280 тыс. фр. в департаменте Мёза до 760 тыс. фр. в департаменте Нор. Излишне говорить, что на этой должности оказывались богатейшие люди. Так, генеральный сборщик налогов А.-Ж. Бюфо оставил своим наследникам в 1844 г. состояние, которое было оценено более чем в 2 млн фр., в том числе 1,5 млн фр. движимого имущества; другой сборщик, А. де Сен-Дидье, оставил после себя только движимого имущества на 2 млн фр.⁹²

Наглядное представление о том, кто принадлежал к группе финансовой аристократии в 1840-е годы, дают примеры, приводимые Тюдеском⁹³. Одно из самых крупных состояний того времени, характерных для деловой буржуазии, принадлежало владельцу меняльной конторы А.-Ж. Леру. Оно оценивалось в 9,5 млн фр. движимого имущества и 1,5 млн фр. недвижимого, включая дом в Париже и земли в департаменте Сена-и-Уаза. Основную часть движимого капитала Леру инвестировал в различные предприятия и банки, в том числе в предприятие походных кроватей, Банк Франции, страховую компанию «Феникс», каменноугольное предприятие «Гран-Комб», компанию «Шахты Лейон и Луара», «Плавильни Ромийи», «Общество вод Отейля», парижскую «Компанию газа» и многие другие.

К «спекулятивному» типу Тюдеск относит состояние бывшего военного поставщика Энгерло. Движимая часть его имущества, оценивавшаяся в 4 млн фр., почти целиком состояла из активов и долгов обязательств «Компании каналов Урк, Сен-Дени и Сен-Мартин», а недвижимая, куда входили поместья в Нормандии и дворец в Париже, достигала 300 тыс. фр.

Состояние Ф.-А. Шнейдера, одного из совладельцев «Крезо», характерно для крупных заводчиков. Оставленное этим предпринимателем в 1845 г. наследство оценивалось в 3,7 млн фр. Значительную его часть (1 млн фр.) составляли акции собственного предприятия. Остальное приходилось главным образом на акции компании «Моншанэн», «Моста Лангре» и «Компании страхования от пожара», а также на вклад в банк Сейльера.

Типичной для крупных земельных собственников, которые принимали финансовое участие в деловой активности, была движимая часть состояния барона Портала. Он инвестировал 650 тыс. фр. в торговое предприятие и в «Центральную компанию судоходства на Гаронне». Разновидностью этого типа состояний было состояние маркиза Дре-Брезе, возглавлявшего в палате депутатов маленькую группировку легитимистов. Он обладал движимым иму-

ществом в размере 341 тыс. фр., из которых 61 тыс. была вложена в ренту Неаполя, 22 тыс. — в австрийскую государственную ренту, а остальные — в акции страховой компании «Провидение».

Важно отметить, что все эти лица, состояния которых приведены в качестве типичных для группы финансовой аристократии, обладали очень большим цензом, что ставило их на высшие ступени общественной иерархии. Ценз А.-Ж. Леру достигал 2,4 тыс. фр., Энгерло — 8,5 тыс., Ф.-А. Шнейдера — 6,4 тыс., Дре-Брезе — 5,4 тыс. фр.

* * *

Сколь ни велики были состояния финансовой аристократии, экономическое могущество имело границы. Подъем крупной машинной индустрии привел в середине XIX в. к усилению промышленной буржуазии. Именно она как социальная группа, которая с наибольшей полнотой овладела новыми средствами производства, превращалась по мере индустриализации страны в ведущую фракцию господствующего класса.

Однако путь к этому не был ни прямым, ни гладким. Промышленный капитал контролировал в первой половине XIX в. главным образом те отрасли, в которых уровень концентрации капитала и производства был невысок, в основном легкую, в том числе текстильную.

Это было связано с явным преобладанием в них таких форм централизации капитала, как «общество с коллективной ответственностью» и «простое коммандитное общество». Первая из этих форм предполагала слияние капиталов небольшого числа лиц, как правило, родственников или близких знакомых, каждое из которых несло полную (т. е. всем своим состоянием) ответственность за финансовое благополучие предприятия. Вторая открывала возможность привлечения и небольшого числа посторонних пайщиков, которые, не принимая участия в управлении, получали прибыль и несли ответственность лишь пропорционально их доле капитала. Такие формы централизации капитала получили название семейных, поскольку исключали зависимость от посторонних пайщиков. Они лимитировали возможности мобилизации капиталов. Главным ресурсом развития семейных предприятий являлось самофинансирование, т. е. реинвестирование прибылей.

Такие формы централизации капитала, как акционерное коммандитное общество и анонимное общество, были более совершенными и открывали более широкие возможности. Однако промышленный капитал в первой половине XIX в. сторонился этих форм. Многие промышленники опасались, что свободная продажа акций поставит предприятия под контроль спекулятивного капитала. Эти опасения были небезосновательны в условиях той акционерной «лихорадки», которая в 1840-е годы охватила финансовые круги и сопровождалась резким ростом банкротств.

Однако в первой половине XIX в. семейные формы не обязательно тормозили расширение предприятий, их механизацию. Многие семейные предприятия достигали больших размеров, как например «Тьерри-Мьег», на котором в 1850 г. было занято 1,3 тыс. рабочих⁹⁴. В текстильной промышленности самофинансирование служило надежным источником быстрого роста предприятий. Так, в 1820—1837 гг., используя этот метод, предприятие «Ле Блан» в Лилле сумело увеличить первоначальный капитал более чем в 6 раз — с 12 до 74 тыс. фр.⁹⁵ Сравнительная дешевизна «первого поколения» машин, на базе которых происходила индустриализация в первой половине XIX в., не ставила даже перед небольшими по размерам предприятиями, по крайней мере в легкой промышленности, неразрешимых финансовых проблем. К тому же и характер техники, и технологии того времени позволял во многих случаях осуществлять перевооружение производства эволюционно, путем постепенной замены ручного труда машинами⁹⁶.

В большей степени, чем размеры предприятий, ограничивали господство промышленного капитала его региональная раздробленность, отсутствие концентрации в национальном масштабе. К середине XIX в. средства транспорта, связи, кредита и т. д. не ликвидировали значительную хозяйственную самостоятельность отдельных местных рынков. Все это обусловило то отсутствие у промышленной буржуазии внутренней сплоченности, которое Ф. Энгельс отмечал даже в 80-е годы XIX в.: «...промышленная и торговая буржуазия... сама... разбросана по всей стране и не имеет общего центра»⁹⁷.

Однако было бы ошибкой недооценивать значение подлинных очагов промышленной революции, возникших во Франции в первой половине XIX в. Они размещались преимущественно к северо-востоку от рек Луара и Рона и стали своего рода бастионами промышленного капитала. Это были промышленные районы Эльзаса, Нормандии, Парижа, Севера Франции. Влияние спекулятивного капитала на их индустриальное развитие часто было минимальным. Правилom большинства предприятий было самофинансирование либо использование других форм мобилизации капитала, которые предполагали сохранение семейного статуса «дела».

Для характеристики развития промышленной буржуазии весьма важен пример Парижа, подробно изученный А. Домар⁹⁸. В течение первой половины XIX в. столица Франции, оставаясь крупнейшим финансовым центром, выделялась и высоким уровнем промышленного производства. О его размерах или динамике точных сведений нет. Но достаточно сказать, что доля Парижа во французском экспорте в период с середины 1820-х по конец 1840-х годов удвоилось, а в одном только 1844 г. 708 из 2339 зарегистрированных в стране актов о создании новых предприятий, т. е. около трети, приходилось на департамент Сена.

Какую юридическую форму предприниматели Парижа предпочитали для своих предприятий? Подавляющее большинство из них выбирало «общество с коллективной ответственностью». Если

в 1832 г. эту форму получили 203 предприятия, то в 1844 г. — уже 636. Экономический кризис последних лет Июльской монархии привел к некоторому уменьшению числа новообразованных «обществ с коллективной ответственностью»: в 1847 г. было зарегистрировано 559 таких предприятий. Меньшей, но стабильной симпатией пользовалась у парижских предпринимателей более развитая форма семейного предприятия — «простое коммандитное общество». В 1832 г. было основано 40 подобных предприятий, в 1844 г. — 160. Интересно, что в годы экономического кризиса число предприятий, созданных в этой форме, не уменьшилось. Зато в отношении деловых кругов к акционерной форме наблюдались резкие скачки. Если обычно число новообразованных акционерных обществ не превышало 50—60 в год, то в моменты повышенной конъюнктуры круто возрастало, до 298 в 1837 г. и 181 в 1845—1846 гг. Эти данные, красноречиво свидетельствующие о спекулятивном характере акционерных предприятий эпохи, вместе с тем убеждают, что значительный сектор промышленности Парижа был свободен от контроля финансовой аристократии в связи с явным преобладанием семейных форм предпринимательства.

К середине XIX в. не существовало такой отрасли промышленности, которая не была бы представлена в Париже. Но среди них преобладали производство готового платья, строительство, пищевая и мебельная отрасли. В 1847 г. они давали половину, а вместе с родственными отраслями три четверти оборота всей столичной промышленности. Среди парижских избирателей, уплачивавших «патент», в 1840-е годы около 70 % составляли представители названных четырех отраслей, причем самой многочисленной была группа предпринимателей пищевой промышленности — 26 %.

На облик среднего парижского предпринимателя середины XIX в. повлияла сильная распыленность промышленного производства столицы по мелким, зачастую ремесленным предприятиям. Предприниматели, эксплуатировавшие более 10 рабочих, составляли всего 11 % общего числа «хозяев» (22 %, если из общего числа «хозяев» исключить тех, которые трудились самостоятельно или использовали только одного рабочего). В шестом округе, слывшем «центром парижского производства», в 1847 г. насчитывалось 10 152 «хозяина», из которых 4220 нанимали от 2 до 10 рабочих, а 1305 — более 10. Вместе с тем обнаруживалась и тенденция к концентрации производства. Ощутимее она была в отраслях тяжелой промышленности. В 1847 г. в Париже действовали 242 машиностроительных предприятия, из которых 105 имели более 10 рабочих. По 91 предприятию из числа последних есть более подробные сведения: на них было занято 5645 рабочих, а оборот достигал 22 млн фр. в год, т. е. в среднем на одно предприятие приходилось 62 рабочих и 250 тыс. фр. годового оборота. Некоторые предприятия значительно превосходили эти средние размеры. Так, на предприятии «Белэ» работали по найму от 150 до 200 человек; а оборот достигал 7—8 млн. фр. в год. Предприятие «Деронь и Кайль» имело в 1845 г. до 700 рабочих, а капитал лишь

одного из компаньонов составлял 1,6 млн фр. Довольно крупные предприятия встречались и в легкой промышленности. Например, среди 377 предприятий, выпускавших зонтики, 9 имели оборот свыше 200 тыс. фр. каждое.

Обогащение промышленной буржуазии Парижа, позволившее многим ее представителям войти в избранный круг цензовых избирателей, имело зачастую своим источником эксплуатацию высококвалифицированной рабочей силы в сфере ручного производства так называемых «предметов роскоши», или «предметов изысканного вкуса», т. е. разного рода изделий широкого спроса, отличающихся от стандартной фабричной продукции более высокими потребительскими свойствами. К середине XIX в. обозначилась специализация промышленности Парижа на выпуске именно таких изделий. Это сопровождалось выводом из города предприятий, выпускавших рядовую продукцию.

Специализация на высококачественных потребительских изделиях, требующих ручной обработки, укрепила связи парижской буржуазии с провинцией, откуда доставлялись полуфабрикаты. Так, сельская домашняя промышленность Пикардии обеспечивала своими поставками производство модных текстильных изделий еще с начала Реставрации. В изготовление шалей вносили свой вклад рабочие и работницы департаментов Уаза, Марна и Эна. А к производству вышивок привлекались ремесленники всего Востока Франции и даже Швейцарии. В середине XIX в. изделия парижской промышленности находили сбыт далеко за пределами Франции, успешно конкурируя со стандартными английскими товарами.

Широкие национальные и международные связи парижской буржуазии позволили ей к середине XIX в. играть до некоторой степени роль регулятора экономической жизни страны. В Париже совершалась большая часть крупных сделок. Многие провинциальные дельцы, стремясь обеспечить стабильность поставок своей продукции, охотно предоставляли столичным фабрикантам свои капиталы. От парижской буржуазии нередко исходила инициатива внедрения в производство разного рода технических новинок. В Париже впервые было предпринято производство соды и кислоты, минеральных удобрений, готового платья, применено водяное отопление и газовое освещение. Здесь была изобретена и опробована новая форма розничной торговли — универсальные магазины, которые предлагали широкий ассортимент товаров по фиксированным ценам, практиковали периодические распродажи, обмен купленных товаров и даже их возврат с возмещением стоимости.

3. КОНСОЛИДАЦИЯ НОВОГО ГОСПОДСТВУЮЩЕГО КЛАССА

По мере углубления промышленной революции во Франции взаимоотношения между основными группами, или фракциями, господствующего класса — крупными землевладельцами, финансовой аристократией, промышленной буржуазией — приобретали все более сложный характер. Высокая степень общности интересов в одной сфере общественной жизни не исключала острых противоречий между ними в другой. Это было отражением реальной противоречивости процесса промышленной революции с поочередным преобладанием экстенсивных и интенсивных форм и методов ее осуществления.

Вместе с тем к середине XIX в. обнаружили некоторые признаки консолидации господствующего класса. В высших буржуазных слоях упала вертикальная мобильность⁹⁹. Экономический кризис конца 1840-х годов гораздо больше поразил мелких и средних предпринимателей, чем крупных, которые к этому времени прочно закрепились на достигнутых позициях и, несмотря на потери, сумели пережить трудные времена. С 40-х годов редко случалось, чтобы крупный предприниматель, принадлежавший по своему происхождению к богатым буржуазным слоям, заканчивал банкротством. «Третье поколение» капиталистов, т. е. внуки основателей династий и дети пионеров крупной индустрии, почти не испытало понижения социального статуса¹⁰⁰. Следовательно, состав буржуазии стабилизировался, а устойчивость является непременным условием существования всякого класса. Серьезные перемены произошли и в положении дворянства. В дворянских состояниях все более заметную, хотя и подчиненную, роль играло движимое богатство.

В основе процесса консолидации господствующего класса лежало усиление промышленного капитала, который в условиях расширения массового производства стал постепенно подчинять себе ссудный и торговый капиталы, ранее существовавшие самостоятельно. Это нашло свое выражение в том, что в 30—40-е годы были приняты первые попытки создать банки нового типа — инвестиционные, задачей которых являлась поддержка промышленности кредитами. В 1837 г. парижский банкир Лаффит основал «Генеральную кассу торговли и промышленности» с капиталом в 15 млн фр. Она предоставляла как краткосрочные коммерческие, так и долгосрочные промышленные кредиты, а также выступала в качестве инвестора. В 1838 г. «Касса» учла ценных бумаг на 276 млн фр., а в 1846—1847 гг. — более чем на 400 млн фр. Подобные ей банки возникли в Париже и провинции. В 1847 г. пять парижских «касс» располагали совокупным капиталом в 57 млн фр. и учитывали ценных бумаг на более чем 1,65 млрд фр. В 1838—1847 гг. в провинции было образовано по меньшей мере 20 «касс»

с совокупным капиталом более 70 млн фр. Эти кредитные учреждения сыграли значительную роль в промышленном буме первой половины 40-х годов¹⁰¹. Постепенно трансформировалась и крупная торговля. Например, в Руане она стала ориентироваться уже не на посреднические операции, как это было в XVIII в., а на обеспечение промышленности сырьем и сбыт ее продукции¹⁰².

Важным признаком консолидации господствующего класса явилось создание многочисленных предпринимательских союзов. Первые непрочные ассоциации предпринимателей в текстильной промышленности возникли еще в годы Реставрации. В 1824 г. был создан постоянный Комитет прядильщиков Лилля, видным руководителем которого являлся Мимерель, крупный фабрикант из Рубэ¹⁰³. В 1825 г. организовалось Промышленное общество Мюлуза, принявшее свой устав годом позже¹⁰⁴. В конце 1826 г. возникло Собрание фабрикантов в Лионе. Толчком к созданию многих предпринимательских союзов послужила борьба по вопросу о таможенной политике. В 1832 г. был образован Комитет фабрикантов отечественного сахара, в 1836 г. — Комитет металлургических интересов, в 1839 г. — Комитет хлопчатобумажной промышленности, в 1840 г. — Комитет машиностроителей и Общество союза французской каменноугольной промышленности, в 1842 г. — Комитет льняной промышленности и т. д.¹⁰⁵

И все же важной особенностью развития Франции в XIX в. являлось, по словам Энгельса, «дробление французской буржуазии на... множество частей, фракций и групп»¹⁰⁶.

Внутри буржуазного класса сохранялись большие различия по отношению к традиционным и новым, порожденным промышленной революцией средствам производства. Доли движимого и недвижимого имущества в состояниях отдельных групп буржуазии были неодинаковы. В дворянских состояниях земельная собственность занимала гораздо большее место, чем в буржуазных, а движимая — наоборот, меньше. В буржуазных состояниях биржевые бумаги достигали 17,3 %, тогда как в дворянских — всего лишь 8,6 %. Но особенно рельефно выступает различие при сопоставлении доли прямых производственных инвестиций: она равнялась 15,3 % в буржуазных состояниях и 0,5 % в дворянских¹⁰⁷.

По отношению к традиционным и новым средствам производства наблюдались различия и среди деловой буржуазии. Очевидно, что доля недвижимой собственности была больше в состояниях «старой» буржуазии, связанной с традиционными структурами общества и государства, унаследованными от старого порядка. В социопрофессиональном составе покупателей национальных имуществ в годы Империи преобладали представители именно этой социальной группы¹⁰⁸. Напротив, известно, что в состояниях крупных фабрикантов Эльзаса доля капиталовложений в земельную собственность никогда не была велика, а с 1830 г. еще более сократилась¹⁰⁹.

Значительными в середине XIX в. были различия по размерам капитала и сферам его приложения. Как правило, тяжелая про-

мышленность требовала наиболее крупных капиталов. Кроме того, в ней связь предпринимателей с традиционным ссудным капиталом и крупным землевладением была теснее, чем в легкой промышленности. Поэтому предпринимательская деятельность в металлургической или горнодобывающих отраслях пользовалась большим общественным престижем.

Управление крупными капиталами в любой отрасли требовало высокого уровня профессиональной и деловой компетентности и способствовало выдвижению динамичного типа предпринимателей. Рутинная работа давала о себе знать в управлении мелкими капиталами.

Объективными социально-экономическими различиями обуславливались особенности социально-психологического облика отдельных частей и слоев буржуазного класса. Так, большое значение имело отношение к аристократической земельной собственности. Та часть буржуазии, которая была теснее связана с этой собственностью, в большей мере отличалась психологией рантье. Другая характеризовалась большей активностью.

Крупным капиталам был обычно присущ более высокий уровень «предприимчивости», проявлявшийся в стремлении инвестировать прибыли и готовности идти на определенный риск, допускавшей краткосрочный пассив в платежном балансе и опиравшейся на развитый бухгалтерский учет. Признаком предприимчивости был и особый дух состязательности, толкавший промышленника на постоянное обновление продукции, расширение рынков сбыта, снижение издержек производства путем внедрения технических и организационных новин.

Мелкие капиталисты, напротив, были в большей мере привержены традициям. Они рассматривали свое предприятие прежде всего как основу благополучия семьи в будущем, как достояние, которое необходимо было оставить потомкам в целостности и сохранности. Отсюда — исключительная осторожность, если не сказать робость, в управлении предприятием, мелочная экономия, сочетавшаяся, впрочем, со стремлением «сорвать куш» благодаря выгодному стечению обстоятельств. Малообразованные, с узким коммерческим кругозором мелкие предприниматели редко проявляли изобретательность в своей практической деятельности. Их целью было не столько расширить производство, сколько разбогатеть и получить возможность жить на ренту.

Разумеется, в реальной жизни оба социально-психологических типа встречались в чистом виде не часто. Правилom было переплетение присущих им черт в разном сочетании. При этом первый тип развился полнее в новых промышленных центрах, сформировавшихся в основном за время промышленной революции. Второй тип был шире распространен в районах застойной экономики, таких как Бордо, где купечество «сохранило приверженность экономической системе XVIII в.»¹¹⁰

Представляется упрощенным мнение о том, что «среднему французскому предпринимателю» эпохи промышленной револю-

ции не хватало «предприимчивости»¹¹¹. «Среднестатистический» подход не может заменить конкретной оценки поведения отдельных фракций, групп, слоев буржуазного класса, равно как и применяемых предпринимателями в конкретных условиях своей страны форм и методов организации производства.

Широкое использование таких традиционных форм, как сельская домашняя промышленность и мануфактура, семейная структура предприятия, самофинансирование и т. д., свидетельствует скорее о наличии, чем о отсутствии у французских предпринимателей хозяйственной гибкости и изворотливости, коль скоро доказана эффективность применения этих форм во Франции первых десятилетий промышленной революции. Отсрочка технического переворота была продиктована предпринимателям мотивами экономического порядка. Ведь не стремление соответствовать неким апрорным образцам, а прежде всего жажда прибыли руководит действиями всякого предпринимателя.

Сложнее вопрос об экономическом значении недвижимой собственности в состояниях промышленников. Что это — архаичные по типу капиталовложения или инвестиции? Очевидно, в зависимости от обстоятельств она выполняла и ту и другую функцию. Часто она была разновидностью прямой инвестиции в предприятие, связанной с приобретением производственной территории, построек (в начале XIX в. промышленные предприятия нередко занимали помещения упраздненных в годы революции монастырей, например, предприятия Ришара¹¹², Дюфрейе¹¹³), а в состояниях магнатов металлургии — с владением лесами. Кроме того, недвижимая собственность, как показал Л. Бержерон, «выступала в роли основного инструмента кредита» в условиях, когда промышленный кредит еще не получил широкого распространения и только ипотека была надежным средством покрытия острых производственных нужд¹¹⁴.

Отмеченные выше различия в «предпринимательском поведении» не исключали и определенного социально-психологического единства разнообразных фракций, частей, слоев господствующего класса. Иначе и не могло быть в стране раннего развития капитализма, вполне подготовившего условия для восприятия широкими слоями общества буржуазных ценностей, таких как собственность, личное трудовое усилие, индивидуальное преуспеяние и др. Значительное «обновление» буржуазного класса в первой половине XIX в. не привело хотя бы к частичной утрате этих ценностей. Наоборот, выходцы из иной социальной среды, вливаясь в состав буржуазии, охотно и легко приобщались к ним. Отчетливо проявилось это в буржуазном «перерождении» дворянства, которое в течение этого периода «постепенно отрывалось от своих корней, обновлялось за счет восприятия существенных элементов мышления и поведения буржуазии»¹¹⁵.

Несомненно, дворянский образ жизни обладал притягательной силой и привлекал многих буржуа, которым замок, поместье, титул еще долго представлялись символами общественного превосходства. Но престиж самого дворянства заметно падал. Богатые

парижские банкиры и промышленники, получившие титул барона, сохраняли имя своих отцов: Сейльер, Давилье, Делессер и др. В своем исследовании А. Домар приводит любопытное наблюдение: при Июльской монархии представители богатейшего слоя буржуазии выдавали своих дочерей замуж за дворян гораздо реже, чем во времена Реставрации¹¹⁶.

Вообще в семьях деловой буржуазии привлекательность праздного образа жизни уменьшилась. Буржуазные генеалогии первой половины XIX в. показывают, что почти все дети крупных предпринимателей занимались какой-либо профессиональной деятельностью. А те аристократические ценности, которые все же были восприняты буржуазией, претерпели глубокую трансформацию. Так, земельные владения буржуазии концентрировались в районах продуктивного и высокорентабельного земледелия. Престиж замка трансформировался в моду на летнюю загородную резиденцию.

Противоречивый процесс консолидации господствующего класса нашел свое выражение и в формировании его политической элиты.

4. БУРЖУАЗИЯ И ПРАВЛЕНИЕ «НОТАБЛЕЙ»

Правящая элита представляет собой совокупность верхушечных групп различных слоев господствующего класса, которые отражают его интересы и осуществляют в соответствии с ними руководство экономической, социальной и политической жизнью общества¹¹⁷. Уничтожив абсолютизм, Французская революция способствовала продвижению на все уровни государственного и общественного управления представителей социальных групп и слоев, возглавлявших борьбу со старым порядком. Тем самым были заложены основы правящей элиты новой Франции.

В правящей элите основным носителем властных функций является политическая элита. Механизм ее воспроизводства был создан в основных чертах в начале XIX в. Конституция X г. учредила цензовую избирательную систему, закрепив привилегированный политический статус крупных земельных собственников. Согласно этой конституции членами избирательных коллегий могли быть только лица, внесенные в список 600 крупнейших плательщиков ценза каждого департамента.

Членов избирательных коллегий Консульства и Империи часто называли «нотаблями». Это слово, заимствованное из политико-юридического словаря старого порядка, обозначало членов правящей дворянской элиты. Уже при старом порядке хорошей дворянской родословной, не подкрепленной состоянием, было мало, чтобы автоматически принадлежать к руководящим «верхам». Но и богатство, не облагороженное титулом, не открывало в них доступ. Богатство служило для буржуа способом приобретения дворян-

ских отличий, приобщавших к узкому кругу элиты. Об этом свидетельствует распространенная практика аноблирования разбогатевших буржуа в XVIII в.¹¹⁸

Признав крупное состояние главным критерием принадлежности к политической элите, Империя санкционировала превращение буржуазии в политически господствующий класс. Однако прямо в политическую систему были включены лишь крупные земельные собственники независимо от происхождения их состояния.

В 1810 г. в списках избирателей Империи значилось около 70 тыс. человек (в границах Франции 1792 г.). Из них около 55 тыс. вступило в возраст активной профессиональной деятельности еще до революции. Значительная часть этих лиц за прошедшие годы сумела повысить свой социопрофессиональный статус. В 1789—1810 гг. среди них доля лиц «свободных профессий», представителей торговой и сельской буржуазии сократилась с половины до одной трети. Напротив, доля «землевладельцев» возросла с 1/5 до 1/4, а чиновников высшего уровня гражданской администрации — более чем удвоилась (с 6,57 до 13,18%)¹¹⁹. Менее 1/10 корпуса «нотаблей» 1810 г. можно отнести к мелкой буржуазии. Большинство — 57,59% — составляли лица, доходы которых колебались в пределах от 1 тыс. до 5 тыс. фр. Чуть более 15% «нотаблей» принадлежало к группе с доходами свыше 5 тыс. фр. Но именно к ней относились 64,82% банкиров, 38,95% негоциантов, 30,45% чиновников центральной администрации и 25% «землевладельцев»¹²⁰.

Совершенно очевидно, что по уровню своего дохода, а следовательно, и влияния к политической элите могут быть причислены далеко не все «нотабли». «Строго говоря, — отмечали Л. Бергерон и Г. Шоссинан-Ногаре, — речь идет не о руководящей элите, а скорее о высшем общественном слое, из которого правительство считает возможным черпать свои политические кадры»¹²¹. Поэтому целесообразно различать мелких «нотаблей», влияние которых, как правило, ограничивалось локальными рамками, и крупных «нотаблей». К последним относились богатейшие собственники. Они главным образом и являлись претендентами на руководящие роли в государстве.

Сама Империя энергично влияла на комплектование политической элиты, заботясь при этом не столько о ее представительности, сколько о преданности новому правлению. Используемые ею методы оказались совершенно неоригинальны. Среди дворян Империи 59% составляли военные, 22% — высшие гражданские должностные лица. При отборе кандидатов фактически игнорировалась частная профессиональная деятельность. «Таланты», т. е. интеллигенция, представляли всего лишь 1,5% нового дворянства, а деловая буржуазия — и вовсе ничтожную долю. В какой-то мере это объяснимо: в начале XIX в. промышленная революция еще только набирала силу, да и связанный с ней подъем науки, культуры и т. д. был еще впереди.

Но обращает на себя внимание другой факт. 58 % дворян Империи были буржуазного происхождения и 19,5 % — мелкобуржуазного, «простонародного», т. е. представляли те общественные силы, которые вышли победителями из революции XVIII в., но 22,5 % являлись представителями старого дворянства, пришедшими на службу новому правлению¹²². Это свидетельствует не только о стремлении Империи преодолеть раскол между традиционными и новыми «нотаблями», вызванный революцией, но и об определенном успехе в консолидации новой буржуазной политической элиты.

Более полное представление о политической элите Империи дает анализ социопрофессионального состава Законодательного корпуса, одной из трех высших палат, которым принадлежали законодательные функции. Он осуществлен американским историком Т. Беком¹²³. Членов Законодательного корпуса Бек подразделяет на ряд категорий. По сословной принадлежности или происхождению он различает титулованное и нетитулованное дворянство старого порядка, дворянство Империи, псевдодворян (узурпировавших частицу «де»), а также «буржуа», т. е. лиц, которых нельзя отнести ни к одной из перечисленных категорий; по роду занятий — военных, юристов, лиц «свободных профессий», лиц «экономических профессий», чиновников и «землевладельцев». Историк учитывает также политическую карьеру депутатов Законодательного корпуса, отмечая участие в выборных или административных органах власти в 1789—1799 гг.

По данным Т. Бека, в первые годы бонапартистского режима в Законодательном корпусе преобладали «буржуа». В 1803 г. они составляли 56 % всех депутатов. Высок был и удельный вес политического персонала революции: 61 % депутатов были членами Собраний, 65 % — членами административных органов в 1789—1799 гг. Доля дворян старого порядка не превышала 7 %¹²⁴.

За несколько лет социопрофессиональный состав Законодательного корпуса претерпел глубокие изменения. В 1811—1814 гг. «буржуа» составляли среди его членов всего лишь 23 %. Зато более чем вдвое — до 15 % — возросла доля дворян старого порядка. Вместе с депутатами-псевдодворянами они образовали в палате многочисленную прослойку традиционных по своему социально-экономическому облику «нотаблей», которая насчитывала 29 % всех депутатов. Соответственно увеличилась и доля «землевладельцев» — с 7 до 29 %. Но при этом политический персонал революции в целом сохранил командные позиции, насчитывая почти половину членов палаты — 47 %. Значительная часть активных участников революции, очевидно, влилась в ряды дворянства Империи, на долю которого приходилась треть депутатских мест¹²⁵.

Трудно переоценить вклад Империи в консолидацию буржуазной политической элиты Франции. Политический персонал Империи, в котором слились традиционные и новые «нотабли», на протяжении всей первой половины XIX в. был широко представлен в высших органах власти.

Но выработанный Империей механизм воспроизводства полити-

ческой элиты содержал в зародыше противоречие. Главный принцип этого механизма — обладание крупной земельной собственностью — благоприятствовал представителям традиционных фракций господствующего класса — «бывшей земельной аристократии и наиболее близкой к ней буржуазии, как той ее части, которая еще при старом порядке вкладывала свои капиталы в земельную собственность, так и другой, которая в наибольшей мере обогатилась на спекуляциях национальными имуществами»¹²⁶. Но он же ограничивал доступ в политическую элиту представителям наиболее динамичной фракции господствующего класса — промышленникам, в состояниях которых доля земельной собственности была сравнительно невелика.

* * *

Реставрация сохранила этот механизм, дав ему более четкий правовой статус. Если при Империи назначение членов избирательных коллегий, выборы в Законодательный корпус, да и сама эта палата являлись всего лишь фикцией национального представительства, едва маскирующей деспотизм Наполеона, то либеральная Хартия 1814 г. на деле открыла возможность развития буржуазного парламентаризма. В соответствии с Хартией был создан двухпалатный парламент, нижняя палата которого — палата депутатов — избиралась на основе ценза. Участвовать в выборах могли лица, уплачивавшие в год не менее 300 фр. прямых налогов, а быть избранными — те, чьи налоги составляли не менее 1 тыс. фр. Количество цензовых избирателей по сравнению с Империей увеличилось незначительно — примерно с 70 тыс. до 100 тыс. Однако представительный характер избирательного корпуса усилился благодаря единообразию норм.

Конституционные рамки Реставрации создавали условия для дальнейшей консолидации буржуазной политической элиты по мере сближения и переплетения интересов земельной аристократии, крупных земельных собственников буржуазного происхождения, деловой буржуазии. Этому способствовали и совместное участие в прибылях развивавшейся капиталистической индустрии, и меры правительства Реставрации. Закон о «миллиарде для эмигрантов» (апрель 1825 г.) не только положил конец распрям бывших и новых владельцев национальных имуществ, но и укрепил права последних.

Однако на практике процесс консолидации буржуазной политической элиты замедлился вследствие попыток правительства Реставрации вернуть дворянству руководящую роль в государстве, восстановить власть традиционных «нотаблей».

Дворянская реакция облекалась в форму борьбы с революционным наследием, воплощенным в буржуазных институтах, нормах общественной жизни и т. д. Сопrotивление ей закономерно находило выражение в защите конституционного строя, других завоеваний, связанных с великими принципами 1789 г. Правительство, покровительствуя дворянской реакции, внесло глубокий рас-

кол в «верхи» государства и общества. Главным политическим водоразделом стало отношение к революционному наследию. Соответственно возникли два основных политических течения — ультра-роялисты и буржуазные либералы. Примирить легитимизм с буржуазным конституционным строем пытались конституционалисты.

Избранные в 1817—1819 гг. в палату депутатов ультрароялисты в своем большинстве были традиционными «нотаблями», которых отличали аристократическое происхождение и профессиональная пассивность, тогда как либералы — новыми, буржуазными по происхождению и профессионально активными «нотаблями». 67 % ультрароялистов составляли дворяне старого порядка, 33 % — псевдодворяне. Либералы на две трети принадлежали к двум противоположным категориям — «буржуа» (32 %) и дворянам Империи (29 %). Среди ультрароялистов была вдвое большей, чем среди либералов, доля «землевладельцев» (соответственно 46 и 23 %) и почти вдвое меньшей доля лиц «экономических профессий» (13 и 23 %). При этом особенно глубоки были различия в политических карьерах депутатов обеих группировок. Политический персонал революции составлял среди ультрароялистов и либералов соответственно 8 и 49 % членов. Противоположной была пропорция эмигрантов — 30 % среди ультрароялистов и 6 % среди либералов¹²⁷. Конституционалисты выглядели в сравнении с другими течениями как широкая представительная группировка, в рядах которой перемешивались традиционные и новые «нотабли». Старое дворянство составляло 23 % ее членов, «буржуа» — 21, «землевладельцы» — 11, лица «экономических профессий» — 23 %. Этим объясняется и отсутствие столь резкого контраста между персоналом революции (33 %) и бывшими эмигрантами (14 %). Элементом, обеспечивавшим сплоченность этой группировки, служил политический персонал Империи, доля которого (78 %) была существенно больше, чем среди либералов (60 %) и особенно среди ультрароялистов (33 %). При этом треть депутатов-конституционалистов составляли дворяне Империи (29 %) ¹²⁸.

Значительное продвижение либералов, завоевавших на выборах 1817—1819 гг. 90 мест, побудило правительство принять в 1820 г. закон о так называемом «втором голосе» для четверти избирателей каждого департамента, обладавших наибольшим цензом. Ставка делалась на симпатии богатейшего слоя «нотаблей» к ультрароялистам. Поначалу расчет оправдал себя. Уже выборы 1820 г. принесли успех ультрароялистам, а выборы 1824 г. закрепили победу реакции.

Однако на выборах 1827 г. либеральная оппозиция вновь резко продвинулась вперед, получив 189 мест. Итоги этих выборов глубоко симптоматичны. Они отразили политическую изоляцию правительства и трансформацию либеральной оппозиции. Последняя отчетливо выступила в качестве прообраза нового ответственного большинства, способного сплотить буржуазную политическую элиту на почве защиты тех ценностей, которые были дороги цензовой буржуазии.

Анализ политических карьер либералов, избранных в палату 1827 г., выявляет определенную перемену в отношении этого политического течения к революции XVIII в. Согласно подсчетам Т. Бека, среди либералов 1817—1819 гг. соотношение между персоналом революции и бывшими эмигрантами равнялось 8:1. В 1827 г. оно сократилось до 3:1. В первом случае сторонники Наполеона в период «ста дней» преобладали в соотношении 13:1, во втором — 2,5:1¹²⁹. Это позволяет предположить, что в своем отношении к революционному прошлому либералы 1827 г. заметно отошли от «максимализма» первых лет Реставрации. Среди них стала ощущаться тенденция к компромиссу с общественными силами, олицетворявшими «другую Францию».

Это предположение подтверждается эволюцией идеологии французского буржуазного либерализма, в котором в последние годы Реставрации усилилось влияние «доктринеров». Члены этой группы, в том числе видный политик и философ П. Руайе-Коллар, Ф. Гизо и др., в отличие от таких деятелей либеральной оппозиции в палате депутатов второй половины 10-х годов, как Ж. Лафайет, Ж. Лаффит, А. Манюэль, Б. Констан, выступили за укрепление конституционной монархии на основе принципов Хартии. Для этого, считали они, необходимо «отделить судьбу восстановленной королевской власти от судьбы старого порядка, а дело политической свободы — от революционных теорий и страстей»¹³⁰. Принимая принципы и результаты революции, они осуждали, однако, способы ее осуществления. Распространение идеологии компромисса соответствовало сдвигу в высших, правящих слоях господствующего класса, в которых дворянская реакция все более лишалась почвы. О «правительственном» призвании либеральной оппозиции 1827 г. свидетельствует повышение в ее составе доли политического персонала Империи — с 44% в 1820 г. до 53%¹³¹.

Победа либералов на выборах в июне — июле 1830 г., когда они получили 245 из 407 мест и стали формальным большинством палаты депутатов, отражала консолидацию политической элиты, повлекшую за собой изоляцию дворянской реакции. Однако, чтобы парламентское большинство либералов стало одновременно и правительственным, потребовалось вмешательство народных масс, которые в ходе «трех славных дней» Июльской революции низвергли легитимную монархию и дали возможность буржуазной политической элите овладеть властью.

5. ПРОЦВЕТАНИЕ И КРИЗИС ПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ «НОТАБЛЕЙ»

Июльская монархия не изменила механизма воспроизводства политической элиты. Закон 19 апреля 1831 г. снизил ценз, дававший право избирать и быть избранным в пала-

ту депутатов, соответственно до 200 и 500 фр., что приблизительно вдвое расширило корпус избирателей (со 100 тыс. до 200 тыс.). Однако это не привело к сколько-нибудь значительным переменам с точки зрения социопрофессионального состава «политического класса», в котором по-прежнему преобладали «землевладельцы»¹³².

Обновление политической элиты Франции после 1830 г. было связано не с новыми принципами или критериями ее комплектования, а лишь с устранением политического персонала Реставрации, отказавшегося присягнуть новому правлению. В отставку были немедленно уволены 76 префектов, 196 супрефектов и около 400 мэров; сложили свои полномочия 20 из 30 членов Государственного совета, а также около сотни судей¹³³. Среди 99 депутатов, лишенных своих мандатов, явно преобладали традиционные «нотабли»: 61 % были дворянами старого порядка, 47 % — «землевладельцами» и только 7 % — лицами «экономических профессий»¹³⁴. Новая палата, избранная в 1831 г., отражала возрастание роли новых «нотаблей». По сравнению с 1827 г. доля дворян старого порядка сократилась в ней более чем вдвое — до 14 %, а «землевладельцев» — почти вдвое, до 24 %. С 17 до 20 % повысился удельный вес лиц «экономических профессий»¹³⁵.

Подавляющее большинство депутатов 1831 г. были крупными земельными собственниками буржуазного происхождения, активно занимавшимися профессиональной деятельностью.

Обстоятельный труд А.-Ж. Тюдеска о «крупных нотаблях» позволяет охарактеризовать политическую элиту Июльской монархии периода ее апогея — начала 1840-х годов¹³⁶. Из 459 членов палаты депутатов дворянами были только 92, причем всего лишь половина этого числа — дворянами старого порядка, 45 депутатов отнесены Тюдеском к категории псевдодворян, остальные же не скрывали своего чисто буржуазного происхождения.

Самой многочисленной была социопрофессиональная категория должностных лиц (гражданских и военных) — 175 депутатов. «Землевладельцев» в палате насчитывалось 137, лиц «свободных профессий» — 87, лиц «экономических профессий» — 60. В число последних входили 10 банкиров, 19 мануфактуристов (включая 7 металлургических магнатов и 7 текстильных фабрикантов), 31 неготиант (некоторые из них фактически являлись промышленниками). Из 311 членов палаты пэров только 37 не были дворянами, но при этом лишь 80 пэров получили дворянские отличия при старом порядке. 183 пэра назначил Луи-Филипп. Большинство депутатов и пэров были очень крупными землевладельцами: 63,6 % первых и более половины вторых имели ценз свыше 1 тыс. фр., 17 % депутатов и 82 пэра — свыше 3 тыс. фр.

Кабинеты министров с точки зрения своей социопрофессиональной структуры являлись миниатюрными слепками палат. Тюдеск приводит сведения по трем кабинетам (М. Моле, А. Тьера и Ж. Сульта), чередовавшимся у власти в течение 1840 г. Все министры были членами палат. Аристократию представляли в ка-

бинетах исключительно дворяне Империи — по трое в каждом. Но министрами сельского хозяйства и торговли, а также финансов неизменно были лица «экономических профессий». У 10 министров Тьера (из 21) ценз превышал 1 тыс. фр., у четырех — 3 тыс.

Очень крупными земельными собственниками в своем большинстве были также чиновники высших административных органов монархии. Известен ценз 22 из 29 членов Государственного совета, высшего контрольного органа монархии. У 11 советников он превышал 1 тыс. фр.; столько же платили 23 члена кассационного суда из 36, ценз которых удалось установить Тюдеску. В местной администрации картина была приблизительно такой же. Ценз 19 префектов из 38, о которых имеются сведения, превышал 1 тыс. фр.

В политической элите Июльской монархии деловые круги были представлены сравнительно небольшой группой депутатов — лиц «экономических профессий». Впрочем, депутаты и пэры, принадлежащие к другим социопрофессиональным категориям, не были чужды предпринимательству. Кроме того, представители деловых кругов участвовали в деятельности органов экономического управления, таких как Высший совет торговли и три Генеральных совета — по сельскому хозяйству, торговле и мануфактурам, — функционировавших при министерстве сельского хозяйства и торговли.

Наиболее представительным из них был Генеральный совет по торговле. Его члены частично назначались торгово-промышленными палатами крупных городов. Париж направлял 8 представителей, Лион, Нант, Марсель, Бордо, Руан и Гавр — по 2 и т. д. Среди 54 советников насчитывалось 28 неготиантов, банкиров и судовладельцев, остальные — фабриканты, нередко совмещавшие производственную деятельность с торговой. Нельзя не упомянуть и о таком важном органе экономического управления, как Банк Франции, главное кредитное и эмиссионное учреждение страны, созданное Наполеоном. Его Генеральный совет состоял из 21 члена, в большинстве — банкиров, часть которых владела промышленными предприятиями.

В итоге нельзя сказать, чтобы деловые круги не владели эффективными рычагами воздействия на государственную политику. Но останавливает внимание одно обстоятельство: неготианты, банкиры, промышленники, представленные в высших эшелонах государственной власти, являлись, как правило, очень крупными земельными собственниками, обладавшими цензом свыше 1 тыс. фр. К этому цензовому разряду принадлежали 32 из 39 членов Генерального совета по торговле, о которых имеются сведения, 36 из 41 члена Генерального совета по мануфактурам, 15 из 18 членов Генерального совета Банка Франции, а также 71 из 86 крупнейших его акционеров, чьи имена значатся в списках избирателей. Таким образом, представители деловых кругов в политической элите Июльской монархии сами были крупными «нотаблями», связанными с другими профессиональными категориями «нотаблей» общностью групповых интересов. Политическая элита Июльской монархии как бы замыкалась сама на себе.

На самоизоляции обрекал ее механизм воспроизводства, ставивший крупных земельных собственников в привилегированное положение. В свою очередь кастовость, узость состава политической элиты консервировали архаичные отношения внутри нее, которые ярко проявлялись в поведении избирателей и кандидатов на выборах в палату депутатов. В 1841—1942 гг. во Франции насчитывалось 459 избирательных округов. Из них только в 143 округах число избирателей превышало 500, в остальных же было нередко гораздо меньше. Это приводило к персонализации выборов: на голосование ставилась не столько политическая программа, сколько личность «нотабля», его авторитет, влияние, связи в правительственных кругах — словом, способность отстаивать в государственных «верхах» интересы цензовой буржуазии данной местности. Поэтому на выборах, как правило, отсутствовала острая борьба. Кандидаты, получавшие доверие избирателей, проходили обычно подавляющим большинством голосов и долго сохраняли свой мандат. Так, на выборах 1839, 1842 и 1846 гг. более половины всех округов посылали в палату одних и тех же лиц¹³⁷.

Этот тип поведения «нотаблей» прекрасно иллюстрируется случаем, происшедшим в 1844 г. Ш. Лаффит, племянник известного банкира и политика Ж. Лаффита, выставил свою кандидатуру в Лувье (департ. Эр). Опасаясь конкуренции, он опубликовал в местной газете обращение к избирателям: «Мне сообщили, что вы очень хотите иметь у себя железную дорогу. Я вас понимаю. Мое место в Компании железных дорог Руана, мое положение банкира и крупного железнодорожного предпринимателя позволяет мне построить эту дорогу. Что касается меня, то я желаю стать депутатом. Итак, вы меня поняли. Если да, то да. Если нет, то нет». Ш. Лаффит был избран и стал членом палаты депутатов несмотря на то, что она несколько раз аннулировала результаты выборов ввиду слишком откровенного характера предвыборной сделки¹³⁸.

Вообще вопрос о природе отношений среди «нотаблей» сложен и однозначному решению не поддается. В нем можно выделить несколько сторон, связанных как с особенностями социальной психологии узких кастовых групп, так и с историческими традициями отдельных районов страны. Характеризуя конфликты между «нотаблями», М. Агюлон обращает внимание на одну закономерность: «Впечатление того, что борьба носит групповой, не поддающийся определению характер, особенно велико там, где нет размежевания на два противоположных политических или идеологических лагеря... Иначе говоря, не существует проблемы там, где противостоят друг другу сильная легитимистская партия и радикализованная по причине этого сильная либеральная партия»¹³⁹.

Одним из следствий персонализации отношений внутри политической элиты являлось частое совмещение политической деятельности в законодательных палатах с исполнением административных функций. Рассматривая депутатов прежде всего как своих

доверенных лиц, избиратели отдавали предпочтение, как правило, тем кандидатам, которые были облечены исполнительной властью. Это одна из причин высокого удельного веса профессиональной категории должностных лиц в палате депутатов. Запросы избирателей побуждали и депутатов стремиться к получению государственных должностей. С 1842 по 1848 г. 26 депутатов были назначены на различные административные посты, а 25 назначенных ранее получили повышение¹⁴⁰.

Архаичный межличностный тип отношений внутри политической элиты был связан и со всем комплексом устаревших общественных отношений, которые воспроизводились в условиях экстенсивной ступени промышленной революции. Крупная машинная индустрия еще далеко не повсеместно расшатала традиционный социально-экономический уклад. Сохранялась не только хозяйственная, но и социально-культурная обособленность отдельных местностей. «Нотабли» выступали в роли посредников между департаментами и столицей, городом и деревней, гражданами и государством. В этих условиях экономическая, социальная и политическая власть «нотаблей» закономерно персонализировалась, т. е. проявлялась как власть конкретного лица или группы хорошо известных лиц по отношению к населению той или иной местности.

В первой трети XIX в. важным фактором политизации «верхов» являлась борьба вокруг революционного наследия. Но Июльская революция нанесла окончательное поражение дворянской реакции. Традиционные «нотабли» уступили первенство в политической жизни новым «нотаблям». На этой основе в годы Июльской монархии завершилась консолидация буржуазной политической элиты цензовой монархии. Практически всю сферу официальной политики — палаты, государственный аппарат и т. д. — подчинил себе буржуазный либерализм. Он стал официальной идеологией режима, но в том истолковании, которое дали ему «доктринеры», в особенности Ф. Гизо¹⁴¹. Рассматривая Июльскую монархию как воплощение принципов 1789 г. и требований либеральной «партии», этот видный политик, историк и публицист, фактически возглавлявший правительство в кабинете Сульта 1840-х годов, во многом сумел придать французскому буржуазному либерализму середины XIX в. консервативную тональность¹⁴². В итоге фронт борьбы вокруг революционного наследия не только сместился влево, но и был вынесен за рамки официальной политической элиты.

Идеологическими мотивами в борьбе с правлением Луи-Филиппа Орлеанского руководствовалась антидинастическая оппозиция. В палате депутатов 1840 г. она была представлена слева крохотной группой республиканцев, которые с 1835 г., после запрета на это название, именовались радикалами, справа — 22 легитимистами. Остальные депутаты принадлежали к различным династическим группировкам. Среди 253 депутатов консервативного орлеанистского большинства король, как правило, выбирал министров и должностных лиц. Другие орлеанистские группировки — «третья партия» (22 депутата), «левый центр» (43 депутата), «левая ди-

настическая» (104 депутата) — образовывали династическую оппозицию.

Если в годы Реставрации основные парламентские группировки отличались друг от друга социопрофессиональной структурой, то при Июльской монархии все обстояло иначе. Можно проследить ориентацию только двух социопрофессиональных категорий — должностных лиц, принадлежавших в большинстве к консервативной группировке, и лиц «свободных профессий», относивших себя к династической оппозиции. Однако и те и другие были профессионально активными буржуазными «нотаблями», с той лишь разницей, что одним удалось увенчать свою политическую карьеру административной должностью, а другие еще только подстерегали удачу. Различия между парламентскими группировками не носили социально-классового характера.

Незначительны были политические различия между группировками в палате. Кроме радикалов и легитимистов сколько-нибудь четкую политическую программу выдвигала только «левая династическая» группировка, главным образом ее левое крыло, возглавлявшееся Ж. Лаффитом, Жоржем Лафайетом, адвокатом А. Глэ-Бизуэном. Остальные династические группировки заботились лишь о степени «министриальности» своих членов. Во всяком случае, «третья партия» и «левый центр» готовы были поддержать любой кабинет в обмен на министерские портфели, административные должности, удовлетворение каких-либо требований их избирателей и т. д.

Своеобразная «деполитизация» палаты депутатов сделала ее ареной столкновений групповых интересов, личного соперничества парламентских ораторов. При этом большую часть времени она была поглощена вопросами частного или регионального значения, которые несли печать местных или групповых влияний. Дебаты по крупным политическим вопросам были редки и не выявляли, как правило, глубоких противоречий в рядах политической элиты. В 1837 г. Руайе-Коллар констатировал: «В настоящее время политика лишена всякого величия; ее подчинили так называемые материальные интересы»¹⁴³.

Достаточно, пожалуй, сослаться на судьбу предложений об избирательной реформе, внесенных «левой династической» группировкой. Хотя они предусматривали незначительное расширение избирательного корпуса, едва ли на 10 %, путем предоставления избирательных прав лицам, которые, не обладая достаточным цензом, могли подтвердить университетскими дипломами свою «способность» к управлению государством наравне с крупными собственниками, консерваторы не давали им хода. При этом обе стороны руководствовались прагматическими соображениями. Сам же принцип цензовости избирательного права «нотабли» независимо от их политических ориентаций рассматривали как незыблемую гарантию стабильности государства.

* * *

По мере того как мельчала официальная политическая жизнь, возрастало значение политических движений вне стен парламента. Июльская монархия в большей мере, чем Реставрация или Империя, способствовала политизации широких буржуазных слоев, остававшихся за цензовыми пределами. Именно при Июльской монархии газеты и журналы стали выходить действительно массовыми тиражами: в 1840 г. только в Париже издавалось 26 газет общим тиражом до 180 тыс. экз.¹⁴⁴ Кроме того, с начала 30-х годов стали избираться местные органы власти — генеральные советы департаментов, окружные советы и муниципалитеты. Причем если к выборам генеральных и окружных советов вместе с цензовыми избирателями были допущены «способности», то к муниципальным выборам — гораздо более широкие слои средней и мелкой буржуазии. В 1834 г. корпус муниципальных избирателей достигал 2,9 млн человек¹⁴⁵.

Деловая буржуазия воспользовалась этими переменами, чтобы усилить свою власть на локальном уровне. Хотя лица «экономических профессий» составляли в 1840 г. в среднем по стране 14,5 % всего числа генеральных советников, в восьми департаментах их доля достигала или даже превышала 1/3, а в двенадцати других — 1/5. Это были департаменты с наиболее развитой торговлей и промышленностью¹⁴⁶. Косвенным свидетельством влияния деловой буржуазии на локальном уровне являлось то, что 29 из 112 мэров городов с населением свыше 10 тыс. были негоциантами или фабрикантами¹⁴⁷. Косвенным потому, что мэры назначались правительством. Но муниципальные избиратели, несомненно, оказывали влияние на эти назначения, тем более что в крупных городах в коллегиях муниципальных избирателей преобладала торгово-промышленная буржуазия. В 1846 г. в Тулоне она была представлена 840 избирателями из 1313¹⁴⁸.

Важным признаком политизации буржуазии являлось проведение общенациональных кампаний. Некоторые из них увязывались с выборами в палату депутатов. Например, в 1844 г. группой клерикалов во главе с Ш. Монталамбером был образован Избирательный комитет в защиту религиозной свободы, который добивался введения религиозного обучения в средней школе. На выборах 1846 г. он заручился согласием 225 кандидатов поддержать это требование.

Внепарламентский характер носили движения противников и сторонников таможенного протекционизма, которые нарастали во Франции с конца 1820-х — начала 1830-х годов. В 1840 г. их усилению дали толчок планы заключения франко-бельгийского торгового союза. На рубеже 1845—1846 гг. была образована Центральная ассоциация за свободу обмена, среди активных деятелей которой были экономисты Ф. Бастиа, А. Бланки, М. Шевалье, Л. Фоше, О. Сэй. Кроме столицы она имела свои отделения в городах Бордо, Ним, Марсель, Лион, Гавр и др. В противовес ей протекци-

онисты создали Ассоциацию в защиту национального производства во главе с Мимерелем. Обе ассоциации бросили силы на пропаганду и сбор подписей под петициями в защиту своих требований. Подача петиций была специфической формой борьбы тех общественных сил, которые оставались за рамками официальной политической системы.

Яркий пример внепарламентских движений — банкетная кампания в поддержку требования об избирательной реформе, развернувшаяся в последние месяцы Июльской монархии. Ее организовала возглавлявшаяся О. Барро «левая династическая» группировка после того, как консервативное большинство палаты депутатов отклонило проекты законов о снижении избирательного ценза до 100 фр., о предоставлении «способностям» права голоса на парламентских выборах и о несовместимости депутатского мандата с административной должностью. Начиная с 9 июля 1847 г. в столице и департаментах был проведен 51 банкет, под петицией в пользу реформы подписались 20 857 человек¹⁴⁹.

Внепарламентские движения выявили отрыв буржуазной политической элиты от широких слоев господствующего класса, не включенных в политическую систему цензовой монархии. К последним относились не только разнообразные группы внецензовой средней буржуазии, но и те цензовые буржуазные элементы, интересы и запросы которых не встречали отклика в инертной касте крупных «нотаблей». Это были различные слои промышленной буржуазии, роль и могущество которой начали быстро возрастать именно в 1830—1840-е годы в связи с переходом Франции на интенсивный путь социально-экономического развития. Вступление страны в новую фазу промышленной революции явилось важной предпосылкой кризиса, который поразил систему правления крупных «нотаблей» и расшатывал всю политическую систему Июльской монархии. Удалось ли промышленной буржуазии подорвать влияние «нотаблей»? Привела ли политизация буржуазии к формированию элементов новой политической элиты господствующего класса, способной сменить закосневшую касту «нотаблей» в роли руководящей силы? Напрашивается отрицательный ответ.

Стоит прежде всего обратиться к результатам состоявшихся в августе 1846 г. последних в истории Июльской монархии выборов в палату депутатов. В отличие от выборов 1827 г., выявивших перегруппировку внутри политической элиты, они лишь отразили усиление черт застойности в правящих «верхах».

Ряды оппозиции сократились до 168 депутатов. Консервативное большинство, насчитывавшее 291 депутат, чувствовало себя уверенно. Главной опорой правительства являлись 188 депутатов (40 % палаты), занимавших административные должности. Высоким был уровень стабильности персонального состава палаты. По сравнению с предыдущими выборами она обновилась всего лишь на 24 %. Причину этого следует искать прежде всего в слабой политизации выборов. 84 % депутатов было избрано в округах, где в голосовании участвовало менее 400 человек, а треть — в округах с

участием менее 200 избирателей. В большинстве таких округов в палату прошли консерваторы. Они в первую очередь выигрывали от персонализации выборов. Об отсутствии острой борьбы свидетельствует то, что 55 % депутатов было избрано в первом туре абсолютным большинством поданных голосов¹⁵⁰. Характерно, что крупные округа послали в палату пропорционально больше депутатов оппозиции. Так, из 56 депутатов, избранных от городов с населением свыше 26 тыс., к левой оппозиции принадлежало по меньшей мере 26. В Париже кандидаты оппозиции получили 8965 голосов, а консерваторы — 5483 голоса¹⁵¹.

Элементом новизны была некоторая политизация голосования деловой буржуазии. Та часть этой социoproфессиональной группы, которая принадлежала к более низким цензовым разрядам, отдавала свои голоса преимущественно кандидатам династической оппозиции. Другая часть, относившаяся к высоким цензовым разрядам, голосовала в основном за консерваторов. Однако избранные их голоса депутаты образовали в составе правительственного большинства особую группировку «консерваторов-прогрессистов», склонную к умеренным реформам. В разгар банкетной кампании они выступали за компромисс правительства с династической оппозицией.

Как и внепарламентские движения буржуазии, выборы 1846 г. отразили нарастание противоречий между двумя основными фракциями господствующего класса — промышленной буржуазией, представителями которой если и принадлежали к цензовой буржуазии, то главным образом к ее низшим разрядам, и финансовой аристократией, которой механизм воспроизводства политической элиты открывал преимущественный доступ в ее ряды. Однако это противоречие не нашло адекватного выражения на парламентской сцене. Палата депутатов, как и вся сфера официальной политики, была монополизирована крупными «нотаблями». Поэтому альтернатива их правлению не могла возникнуть в рамках официальных учреждений.

Не способна была выдвинуть альтернативу и династическая оппозиция. Избирательную реформу она рассматривала лишь как средство изменить правительственную «комбинацию» в палате депутатов и не ставила вопроса о преобразовании самой системы цензовой монархии. Ее руководители решительно отмежевывались от требований радикалов о введении всеобщего избирательного права.

Можно привести множество примеров преобладания групповых, личностных мотивов в деятельности официальных группировок во второй половине 1840-х годов. Вот один из наиболее ярких. На выборах 1846 г. в палату депутатов было избрано 140 кандидатов, поддержавших требование свободы религиозного обучения. Не удивляет, что в их числе оказались практически все прошедшие в палату легитимисты (23 депутата). Но среди них были и 62 консерватора (27% группировки), а также 50 членов оппозиции, в том числе и некоторые радикалы — Ж. Гарнье-Пажес, Ф. Араго,

А. Кремье, Мартэн¹⁵². Большинство этих либеральных деятелей отнюдь не сочувствовали клерикальным лозунгам, но групповое соперничество вынуждало их обращаться за поддержкой к влиятельным «нотаблям» из реакционного лагеря.

Особенно поразителен тот факт, что даже борьба вне сферы официальной политики приобретала характер группового или местного соперничества. Взять, например, столкновения в деловых кругах по вопросу о таможенном протекционизме. Очевидно, что требование либерализации внешней торговли отвечало интересам крупной машинной индустрии, овладевшей национальным рынком и стремившейся к завоеванию рынков внешних. Еще в конце 1820-х годов такое требование выдвинули крупные хлопчатобумажные фабриканты Эльзаса¹⁵³. В 1846—1847 гг. они поддержали антипротекционистскую кампанию Ассоциации за свободу обмена¹⁵⁴. Естественным представляется и то, что отрасли, где механизация еще не была завершена, нуждались в таможенной защите от иностранной конкуренции, как например традиционный текстиль. Закономерно, что фабриканты-льнопрядильщики составляли большинство образованного в 1842 г. Промышленного комитета, на основе которого впоследствии была создана Ассоциация в защиту национального производства¹⁵⁵.

Однако реальная расстановка сил в деловых кругах в борьбе по вопросу о таможенном протекционизме была много сложнее. В условиях сохранения обособленности отдельных экономических районов страны эта борьба приобрела во многом характер регионального соперничества. Так, в деятельности Ассоциации за свободу обмена ведущую роль играла торговая буржуазия крупных морских портов, особенно Бордо¹⁵⁶, а также предприниматели отраслей с преобладанием традиционной домашней промышленности и мануфактуры, специализировавшихся на производстве изделий «изысканного вкуса» для экспорта, в частности лионские «фабриканты» шелка¹⁵⁷. Зато оплотом протекционистов стали районы высокоразвитой индустрии Северо-Востока. Мотивы поведения деловых кругов той или иной местности зачастую трудно объяснить. Ряд крупных портов — Морлэ, Дюнкерк, Сен-Мало, Ла-Рошель — либо отказались присоединиться к антипротекционистам, либо даже поддержали сторонников высоких тарифов. А деловые круги Нанта образовали комитеты как в защиту высоких тарифов, так и за их снижение¹⁵⁸.

* * *

Преобладание групповых и региональных интересов буржуазии на политической арене было связано с относительной застойностью общественных отношений, обусловленной действием экстенсивных факторов экономического роста. В первой половине XIX в. промышленная революция во Франции развивалась не только «вглубь», т. е. в направлении ломки устаревших производственных

отношений, но и в значительной мере «вширь», воспроизводя отношения мануфактурной стадии капитализма. Это способствовало сохранению многих архаичных черт политического поведения буржуазии, а также политической системы государства, в частности механизма комплектования политической элиты. Главным критерием принадлежности к политической элите было обладание крупной земельной собственностью. Это дискриминировало массу промышленной буржуазии, зато благоприятствовало традиционным фракциям буржуазного класса — бывшей земельной аристократии, крупным буржуазным землевладельцам-рантье, высшему слою той части деловой буржуазии, особенно представителям торгового и банковского капитала, в состоянии которой был высок удельный вес недвижимой собственности. Узкий слой «нотаблей», объединенный стремлением защищать свои кастовые интересы, фактически монополизировал сферу официальной политики и сосредоточил в своих руках основные рычаги государственного управления. В их лице во Франции 30—40-х годов XIX в. господствовал богатейший слой буржуазии, характерным признаком которой являлась связь с крупной земельной собственностью и спекулятивными формами капитала, — так называемая финансовая аристократия.

Между тем интенсификация социально-экономического развития начиная с 30-х годов XIX в. способствовала усилению промышленной буржуазии, могущество которой опиралось на движимое богатство, воплощенное в быстро растущих современных средствах производства. Тогда обнаружилась и стала расширяться трещина в отношениях между широкими слоями нового господствующего класса, переживавшего период консолидации, и политической элитой, все более замыкавшейся на самой себе. Подъем буржуазных внепарламентских политических движений отразил обострение противоречий внутри господствующего класса. Эти противоречия послужили одной из основных причин гибели Июльской монархии.

Однако даже в условиях кризиса правления «нотаблей», который вполне обнаружился в последние годы Июльской монархии, господствующий класс Франции проявил неспособность выдвинуть взамен этой косной касты новую политическую элиту. Буржуазные республиканцы, представлявшие динамичный элемент политической жизни, были лишены опоры в широких буржуазных слоях. Характеризуя эту «партию», К. Маркс писал: «Она не была сплоченной какими-нибудь крупными общими интересами и обособленной специфическими условиями производства фракцией буржуазии»¹⁵⁹. Лишь в течение последующих полутора-двух десятилетий беспрецедентный подъем крупной машинной индустрии, железнодорожного строительства, развитие кредита, связь — словом, буржуазной цивилизации, подготовил почву для глубокого обновления социально-политической структуры Франции и формирования новой политической элиты буржуазии.

К очерку А. В. Ревякина
«БУРЖУАЗИЯ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(первая половина XIX в.)»

¹ См. об этом: *Адо А. В.* Великая французская революция и ее современные критики//Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986.

² *Cobban A.* The «Middle Class» in France: 1815—1848//French Historical Studies. 1967. N 5. P. 51.

³ Ibid. P. 46.

⁴ *Labrousse E.* Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIII-e et XIX-e siècles: 1700—1850//X Congresso internazionale di scienze storiche. Roma, 1955. T. 4. P. 369—372.

⁵ *Pernoud R.* Histoire de la bourgeoisie en France. P., 1962. T. 2; *Daumard A.* La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. P., 1963; *Rémond R.* La droite en France. P., 1963; *Tudesq A.-J.* Les grands notables en France: (1840—1849). Bordeaux, 1964. T. 1—2; *Bergeron L.* Banquiers, négociants et manufacturiers parisiens du Directoire à l'Empire. Lille; P., 1975; *Chaussinand-Nogaret G.* Une histoire des élites: 1700—1848. P.; La Haye, 1975; Histoire économique et sociale de la France. P., 1976. T. 3. Vol. 2 (далее — HESF); *Voilliard O.* Nancy au XIX-e siècle: Une bourgeoisie urbaine. P., 1978; *Chaline J.-P.* Les bourgeois de Rouen. P., 1982; *Price R.* A Social History of Nineteenth-Century France. L., 1987; etc.

Большое внимание развитию класса предпринимателей уделяется также в работах по истории индустриализации (см. примеч. 14).

⁶ См.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан. М., 1985. С. 124—134.

⁷ HESF. P. 958.

⁸ Ibid. P. 955—956.

⁹ Отдельные стороны развития французской буржуазии в первой половине XIX в. затрагиваются в работах, посвященных современному положению этого класса (см.: *Бунин И. М.* Буржуазия в современном французском обществе: Структура, психология, политические позиции. М., 1978. С. 8—42; Социальная психология классов. М., 1985. С. 127—143).

¹⁰ *Crouzet F.* Wars, Blockade and Economic Change in Europe: 1792—1815//Journal of Economic History. 1964. Dec. P. 585.

¹¹ *Daumard A.* Op. cit. P. 300.

¹² См.: *Далин С. А.* Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983. С. 108.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 309.

¹⁴ См.: *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928; *Потемкин Ф. В.* Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937; *Он же.* Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 1—2; *Кожокин Е. М.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до рево-

люции 1848 года. М., 1985; *Трунский Ю. Г.* Французская деревня в XIX—XX веках: Тенденции развития. М., 1986; *Léon P.* La naissance de la grande industrie en Dauphiné. P., 1954. T. 2; *Dunham A.* The Industrial Revolution in France. N. Y., 1955; *Fohlen C.* L'industrie textile au temps du Second Empire. P., 1956; *Lévy-Leboyer M.* Les banques européennes et l'industrialisation internationale dans la 1-ère moitié du XIX-e siècle. P., 1964; *Vial J.* L'industrialisation de la sidérurgie française: 1814—1864. P., 1967; HESF; *O'Brien P., Keyder C.* Economic Growth in Britain and France: 1780—1914. L., 1978; *Caron F.* Histoire économique de la France. P., 1979; *Cayez P.* L'industrialisation lyonnaise au XIX-e siècle. Lille, 1979. T. 1—2; *Trebilcock C.* The Industrialization of the Continental Powers: 1780—1914. L.; N. Y., 1981; etc.

¹⁵ См.: *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. Т. 1. С. 140.

¹⁶ *Markovitch T.* L'industrie française de 1789 à 1964: Conclusions générales//Cahiers de l'I.S.E.A. Série A. F. N 7. Novembre 1964. N 179. P. 122.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 472.

¹⁸ Там же. Т. 21. С. 342—344.

¹⁹ См.: *Трунский Ю. Г.* Характерные черты эволюции французской деревни в XIX—XX вв.//Проблемы всеобщей истории. Казань, 1972. Сб. 3. С. 136.

²⁰ См. также материалы дискуссии зарубежных историков-марксистов по проблеме «двух путей» перехода к капиталистическому способу производства: *Dobb M., Sweezy P.-M.* Du féodalisme au capitalisme: problèmes de la transition. P., 1977. P. 1—2.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 367—368.

²² Там же. С. 360.

²³ Там же. С. 367.

²⁴ Там же. С. 359.

²⁵ Там же. С. 367, 369.

²⁶ Там же. С. 367.

²⁷ *Crouzet F.* Op. cit. P. 568.

²⁸ *Bergeron L.* Les capitalistes en France: 1780—1914. P., 1978. P. 46.

²⁹ *Bergeron L.* Banquiers... P. 395.

³⁰ Ibid. P. 410.

³¹ Ibid. P. 439—440.

³² Ibid. P. 556.

³³ Ibid. P. 429.

³⁴ *Aguilhon M.* Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique: Toulon de 1815 à 1851. P.; La Haye, 1970. P. 22.

³⁵ *Bergeron L.* Banquiers... P. 568.

³⁶ *Soboul A.* Propriété foncière et condition des terres dans l'Europe napoléonienne: Le cas de la France//XV Congrès international des sciences historiques. Bucarest, 1980. T. 3. P. 395—402.

³⁷ См.: *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 32.

³⁸ *Daumard A.* Op. cit. P. 149, 154.

³⁹ *Tudesq A.-J.* Op. cit. T. 1. P. 430.

⁴⁰ *Bergeron L.* Banquiers... P. 555—556.

⁴¹ *Кожокин Е. М.* Указ. соч. С. 101.

⁴² *Léon P.* Op. cit. P. 513.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ *Bergeron L.* Banquiers... P. 550.

⁴⁵ Ibid. P. 551.

⁴⁶ *Monnier R.* Le faubourg Saint-Antoine: 1789—1815. P., 1981. P. 184—185.

⁴⁷ *Bergeron L.* Banquiers... P. 549.

⁴⁸ *Chassagne S.* Oberkampf: Un entrepreneur capitaliste au siècle des Lumières. P., 1980. P. 334.

⁴⁹ Ibid. P. 210—216.

⁵⁰ *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 69—71, 102—115.

⁵¹ *Fohlen C.* Op. cit. P. 68—69.

⁵² *Cayez P.* Op. cit. P. 220.

- ⁵³ Ibid. P. 226—227.
- ⁵⁴ Ibid. P. 268—271.
- ⁵⁵ *Bertier de Sauvigny B.* Un grand capitaine d'industrie au début du XIX-e siècle: Guillaume Ternaux, 1763—1833//Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1981. T. 28. Avril—juin.
- ⁵⁶ *Vial J.* Op. cit. P. 167.
- ⁵⁷ HESF. P. 510.
- ⁵⁸ *Vial J.* Op. cit. P. 182.
- ⁵⁹ *Cayez P.* Op. cit. P. 336—344.
- ⁶⁰ *Levêque P.* La Bourgogne de la Monarchie de Juillet au Seconde Empire: Méthodologie et stastique. Lille, 1980. P. 337—342.
- ⁶¹ *Cayez P.* Op. cit. P. 341.
- ⁶² *Levêque P.* Op. cit. P. 342.
- ⁶³ *Daumard A.* Op. cit. P. 150.
- ⁶⁴ Ibid. P. 149.
- ⁶⁵ HESF. P. 876—877.
- ⁶⁶ *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 86.
- ⁶⁷ HESF. P. 877.
- ⁶⁸ *Bergeron L.* Banquiers... P. 66.
- ⁶⁹ *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 72.
- ⁷⁰ *Agulhon M.* Op. cit. P. 43.
- ⁷¹ *Voilliard O.* Op. cit. P. 108.
- ⁷² *Daumard A.* Op. cit. P. 232.
- ⁷³ Цит. по: *Chaussinand-Nogaret G.* Op. cit. P. 303—304.
- ⁷⁴ *Fohlen C.* Op. cit. P. 77.
- ⁷⁵ *Daumard A.* Op. cit. P. 307.
- ⁷⁶ HESF. P. 900.
- ⁷⁷ *Daumard A.* Op. cit. P. 318.
- ⁷⁸ См.: *Пименова Л. А.* Указ. соч. С. 178—184.
- ⁷⁹ *Soboul A.* Op. cit. P. 399.
- ⁸⁰ Ibid. P. 402.
- ⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 394.
- ⁸² См.: *Трунский Ю. Г.* Французская деревня. С. 77.
- ⁸³ *Moriceau J.-M.* Les vices-rois des campagnes? Autour de quelques dynasties de fermiers-laboureurs. XVI-e — XIX-e siècle//Annales historiques complégnoises. N 31. Automne 1985. P. 3—12.
- ⁸⁴ *Bergeron L.* Les capitalistes... P. 27—28.
- ⁸⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 50.
- ⁸⁶ *Tudesq A.-J.* Op. cit. T. 1. P. 425.
- ⁸⁷ Ibid. P. 428.
- ⁸⁸ Ibidem.
- ⁸⁹ Ibidem.
- ⁹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 8.
- ⁹¹ *Dunham A.* Op. cit. P. 218—221; *Cameron R.* Banking in the Early Stages of Industrialization. N. Y. e. a., 1967. P. 105—106.
- ⁹² *Tudesq A.-J.* Op. cit. T. 1. P. 402—405.
- ⁹³ Ibid. P. 433—435.
- ⁹⁴ *Fohlen C.* Op. cit. P. 99.
- ⁹⁵ Ibid. P. 109.
- ⁹⁶ *Bairoch P.* Le Tiers-Monde dans l'impasse. Le démarrage économique du XVIII-e au XIX-e siècle. P., 1971. P. 56 sv.
- ⁹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 238—239.
- ⁹⁸ *Daumard A.* Op. cit. P. 425 sv.
- ⁹⁹ HESF. P. 956.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 904.
- ¹⁰¹ *Cameron R.* Op. cit. P. 106—107.
- ¹⁰² *Chaline J.-P.* Op. cit. P. 119.
- ¹⁰³ *Fohlen C.* Op. cit. P. 93.
- ¹⁰⁴ La bourgeoisie alsacienne: Etudes d'histoire sociale. Strassburg; P., 1954. P. 391.
- ¹⁰⁵ *Gille B.* Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste: 1815—1848. P., 1959. P. 129—147.
- ¹⁰⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 238.
- ¹⁰⁷ HESF. P. 947.
- ¹⁰⁸ *Bergeron L.* Banquiers... P. 35.
- ¹⁰⁹ La bourgeoisie alsacienne... P. 384.
- ¹¹⁰ *Papy M.* Quelques fortunes bordelaises au milieu du XIX-e siècle//Revue d'histoire économique et sociale. 1965. N 2. P. 220.
- ¹¹¹ *Landes D.* French Entrepreneurship and Industrial Growth in the Nineteenth Century//Journal of Economic History. 1949. N 1.
- ¹¹² *Monnier R.* Op. cit. P. 184.
- ¹¹³ *Bergeron L.* Banquiers... P. 555.
- ¹¹⁴ *Bergeron L.* A propos des biens nationaux: la signification économique du placement immobilier//Annales E.S.C. 1972, N 2. P. 418.
- ¹¹⁵ HESF. P. 940.
- ¹¹⁶ *Daumard A.* Op. cit. P. 303, 316.
- ¹¹⁷ См.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Указ. соч. С. 124.
- ¹¹⁸ См.: *Пименова Л. А.* Указ. соч. С. 44.
- ¹¹⁹ *Bergeron L., Chaussinand-Nogaret G.* Les «masses de granit»: Cent mille notables du Premier Empire. P., 1979. P. 29, 40.
- ¹²⁰ Ibid. P. 62.
- ¹²¹ Ibid. P. 9.
- ¹²² *Tulard J.* Problèmes sociaux de la France impériale//Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1970. Jul.—sept.
- ¹²³ *Beck T.* French Legislators: 1800—1834. Berkeley e. a., 1974.
- ¹²⁴ Ibid. P. 31—32.
- ¹²⁵ Ibid. P. 33—37.
- ¹²⁶ *Chaussinand-Nogaret G.* Op. cit. P. 214.
- ¹²⁷ *Beck T.* Op. cit. P. 170—171.
- ¹²⁸ Ibidem.
- ¹²⁹ Ibid. P. 97.
- ¹³⁰ *Girard L.* Les libéraux français: 1814—1875. P., 1985. P. 69—79.
- ¹³¹ *Beck T.* Op. cit. P. 178.
- ¹³² Ibid. P. 121.
- ¹³³ *Pernoud R.* Op. cit. P. 422.
- ¹³⁴ *Beck T.* Op. cit. P. 109.
- ¹³⁵ Ibid. P. 184.
- ¹³⁶ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 358 sv.
- ¹³⁷ Ibid. P. 98, 100.
- ¹³⁸ *Julien-Laférière R.* Les députés-fonctionnaires sous la Monarchie de Juillet. P., 1970. P. 72.
- ¹³⁹ *Agulhon M.* Op. cit. P. 104—105.
- ¹⁴⁰ *Julien-Laférière F.* Op. cit. P. 128, 130.
- ¹⁴¹ *Remond R.* Op. cit. P. 89.
- ¹⁴² См.: *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л., 1949. С. 107. См. также: *Rosenvallon P.* Le moment Guizot. P., 1985.
- ¹⁴³ *Girard L.* Op. cit. P. 131.
- ¹⁴⁴ *Chasteney J.* Une époque de contestation: La monarchie bourgeoise 1830—1848. P., 1976. P. 138.
- ¹⁴⁵ *Vigier Ph.* La monarchie de Juillet. P., 1972. P. 77.
- ¹⁴⁶ *Tudesq A.-J.* Les conseillers généraux en France au temps de Guizot: 1840—1848. P., 1967. P. 146.
- ¹⁴⁷ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 325.
- ¹⁴⁸ *Agulhon M.* Op. cit. P. 45.
- ¹⁴⁹ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 967.
- ¹⁵⁰ Ibid. P. 854—857.
- ¹⁵¹ Ibid. P. 855.
- ¹⁵² Ibid. P. 709.
- ¹⁵³ *Ratcliffe B.* The Tariff Reform Campaign in France: 1831—1836//Journal of European Economic History. 1978. N 1. P. 77—78.

¹⁵⁴ *Tudesq A.-J.* Les grands notables... P. 612.

¹⁵⁵ Ibid. P. 620—621.

¹⁵⁶ *Histoire de Bordeaux.* Bordeaux, 1969. Т. 6. P. 105.

¹⁵⁷ *Cayez P.* Op. cit. P. 240.

¹⁵⁸ *Gille B.* Op. cit. P. 146—147.

¹⁵⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 129.

